На правах рукописи

ОЛИМДЖОНОВ МУСО ОБИДОВИЧ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИТОВ В ПОЭЗИИ БЕДИЛЯ
(на примере композитов типа татпуруша)

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (таджикский язык)
(Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки,
аборигенов Америки и Австралии)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

ДУШАНБЕ – 2023

Работа выполнена на кафедре таджикского языка ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова»

Научный консультант: доктор филологических наук **Хасанзода Абдужамол Ашраф**

Официальные оппоненты: **Рахматуллозода Сахидод Рахматулло –** доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана, заместитель председателя Комитета по языку и терминологии при Правительстве Республики Таджикистан

Касимов Олимджон Хабибович – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и журналистики Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзода

Нозимов Абдулхамид Абдуалимович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языков и гуманитарных дисциплин Филиала национального исследовательского технологического университета «МИСиС» в г. Душанбе

Ведущая организация: Таджикский государственный педагогический университет имени Садриддина Айни

Защита диссертации состоится «01» марта 2024 г. в 13:30 часов на заседании Диссертационного совета 73.2.012.04 по защите докторских и кандидатских диссертации при Таджикском национальном университете (734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Таджикского национального университета и на сайте www.tnu.tj (734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17).

Автореферат разослан «_____» _____ 2024 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук **Садуллаев Дж.М.**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Введение. Диссертационное исследование посвящено изучению и анализу структурно-семантических особенностей композитов в поэзии Мирзо Абдулкадыра Бедиля, известного под псевдонимом Абульмаони (Отец смыслов). Из-за обилия фактического материала к анализу в диссертации привлечены только композиты типа татпуруша и многокомпонентные сложные слова.

Актуальность темы исследования заключается в том, что словообразование благодаря исследованиям большого числа отечественных и зарубежных ученых признано в современной лингвистике одним из самостоятельных направлений. В связи с этим академик В.В. Виноградов отмечает: «Вопросы словообразования должны возбудить глубокий интерес … специалистов по самым разнообразным языкам мира. Словообразование как научная дисциплина должна занять важное место в кругу других областей языкознания».[1] В таджикском языкознании структурно-семантическим особенностям композитов уделено недостаточное внимание. Например, не уделено должного внимания исследованию таджикского литературного языка XVII-XVIII веков, в то время как изучению своеобразия развития таджикского литературного языка в X-XVI вв, а также в первой половине XIX и в начале XX века посвящен целый ряд научных трудов.

Изучение и обобщение научно-исследовательских работ по теме диссертации показывает, что научному осмыслению жизненного пути и творческого наследия, а также художественно-философских воззрений Абульмаони посвящено большое количество научно-критических трудов, однако языковые особенности поэзии этого неординарного художника слова в какой-то мере остались за рамками научного осмысления. Именно это обстоятельство обусловило выбор темы настоящей научной работы. В связи с этим исследование структурно-семантических особенностей сложных слов в поэзии Бедиля представляется своевременным и весьма актуальным, поскольку изменение лексического состава является одной из значимых закономерностей развития таджикского языка.[2] В свою очередь словосложение считается важным фактором развития лексического состава, и, поскольку сложение сложных слов превалирует над морфологическим способом,[3] исследование данной проблемы, на наш взгляд, представляет большую ценность.

Степень изученности темы. Во всех языках слово как самостоятельная единица служит для обозначения предметов и понятий, однако большинство понятий невозможно выразить существующими словами. По этой причине некоторые лексические единицы становятся многозначными или для выражения новых предметов и понятий, согласно внутренним законам языка, образуются новые слова. Этот фактор, несомненно, способствует обогащению словарного состава каждого языка.

Способы создания новых слов с давних времен находятся в центре внимания исследователей, о чем, в частности, свидетельствуют и научные труды персидско-таджикских мыслителей.

Хотя в работах средневековых ученых и не произведено специального исследования способов словообразования, однако в научных трудах, посвященных ритмике и синтаксису, а также в предисловиях к толковым словарям в той или иной мере отражены важнейшие особенности словообразования. В ходе исследования научных трудов таджикско-персидских ученых профессор Д. Ходжаев приходит к выводу: «Наша лингвистика (таджикская – О.М.) имеет исторические корни».[4] Изучение

---

[1] Виноградов В.В. Словообразование и его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков). // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1973. – С. 220.

[2] Ливщиц В.А. О внутренних законах развития таджикского языка. // Ҳаждаҳ мақола (таърихи ташаккули забони тоҷикӣ аз назари олимони Шарқу Ғарб). – Хуҷанд: Нури маърифат, 2008. – С.131.

[3] Ливщиц В.А. Указ. соч. – С.131.

[4] Хоҷаев Д. Афкори забоншиносии тоҷик дар асрҳои X-XVI. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2013. – С.6.

лингвистической мысли предков: аль-Фараби, Авиценны, Шамса Кайса Рози, Ходжи Хасана Нисори и других убеждает в том, что в их трудах по большей части содержатся важные сведения о способах образования производных лексем, а моделям и способам образования композитов уделено меньше внимания.

Можно сказать, что выводы и заключения средневековых персидско-таджикских ученых относительно сложных слов и способов их образования, несмотря на их разрозненность, представляют большой интерес.

В последующем, в период становления лингвистической науки в её современном понимании, изучение сложных слов стало для отечественных и зарубежных ученых одним из актуальных направлений в этой области. Изучение научных трудов убеждает в том, что исследования в основном были проведены в диапазоне таджикского литературного языка, а историческое словообразование не привлекло в должной мере внимания научного сообщества. Ввиду этого в 70-е годы прошлого века профессор Л.С. Пейсиков считал исследование исторического словообразования одной из важнейших задач лингвистики.[5]

В последние десятилетия исследователями С.Ганиевой, О.Касимова, А. Байзоева, Ю.Кенджаева, С.Низомовой, З.Абдуллаевой, М.Калоновой и др. был проведен целый ряд интересных с научной точки зрения исследований по вопросам исторического словообразования. Однако по проблеме исторического словосложения, в частности в произведениях, созданных в индийском стиле, не было проведено специального монографического исследования, за исключением отдельных научных статей. Ввиду этого мы посчитали необходимым провести исследование по проблеме структурно-семантических особенностей композитов в поэзии одного из величайших представителей индийского стиля – Бедиля.

После падения Саманидского государства, в период правления династий «Газневидов, Гуридов и Сельджукидов, правители которых главным образом были воспитанниками и пользовались щедротами дома Саманидов…, расширили границы распространения таджикского языка на востоке и юге до Индии и Синда, а на западе – до Малой Азии и Сирии».[6] В особенности на полуострове Индостан таджикский язык благодаря поэтическим сочинениям Бедиля был настолько популярен, что «храм мыслей» возвышается благодаря «безупречному вкусу» поэта, а художественное слово этого столетия опиралось на «основу мыслей» Бедиля:

Бедил, аз фитрати мо қасри маонист баланд,
Поя дорад сухан аз курсии андешаи мо. [т.1 (п.ч.), 133][7]
Бедиль, «храм смыслов» возвышается благодаря нашему таланту,
Слово опирается на основу наших мыслей.*

Персоязычная литература Индии уже несколько десятилетий привлекает внимание научного сообщества, в особенности литературоведов, и в этом русле проведено немало научно-исследовательских работ. В отечественном литературоведении этой теме посвящены труды известных ученых С.Айни, М.Бакоева, А.Гаффорова, С.Амиркулова, Б.Рахими, А.Насриддин, З.Гаффоровой, О.Саидчаъфарова, Б.Хамдама, Н.Нурова, внесших достойный вклад в освещение особенностей развития персоязычной литературы и творческого наследия её выдающихся представителей – Амира Хусрава Дехлави, Калима, Соиба, Бедиля, Носирали Сархинди, Мухаммада Икбола и других.

---

[5] Пейсиков Л.С. Лексикология современного персидского языка. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. – С.68.

[6] Раҳмон Э. Забони миллат – ҳастии миллат. Китоби якум. Ба сӯйи пояндагӣ. – Душанбе: Эр-граф, 2016. – С.361.

[7] Бедили Деҳлавӣ. Куллиёт. Т.1-4. Тасҳеҳи Холмуҳаммади Хаста, Халилуллоҳи Халилӣ. Ба кӯшиши Баҳман Халифа Баноравонӣ. – Теҳрон: Талоя, 1389. Т.1 (бахши аввал). Ғазалиёт. – 798 с.; Т.1 (бахши дувум). Ғазалиёт. – 1600 с.; Т.2. Таркиббанд; Тарҷеъбанд; Қасоид; Қитъаот; Рубоиёт – 650 с.; Т.3. Маснавиҳо. – 812 с.; Т.4. Чаҳор унсур; Руқаот; Нукот. – 582 с. В дальнейшем указывается том и страница этого издания.

*Здесь и далее стихотворные примеры приводятся в подстрочном переводе автора.

Вместе с тем можно утверждать, что лингвоспецифические особенности персоязычной литературы Индии не стали предметом многоаспектного исследования. В этой связи профессор В.А.Капранов отмечает: «Однако лишь литературоведческий аспект в ее изучении не может быть достаточным. Необходимо дополнить его языковедческим аспектом изучения, так как без изучения специфических особенностей индийского фарси трудно говорить об адекватном, правильном понимании произведений на фарси, созданных в Индии».[8]

С этой точки зрения изучение и научное осмысление особенностей языка поэтов-приверженцев индийского стиля представляется первостепенной задачей лингвистики.

На основе изучения индийского стиля можно прийти к заключению, что: 1) язык и манера изложения Бедиля действительно являются чрезмерно замысловатыми и сложными; 2) одним из факторов усложнения языка поэзии Бедиля является множественное употребление сложных слов в целом, и многокомпонентных в частности. Ввиду этого анализ лингвистических особенностей поэзии Бедиля, и особенно определение частоты использования им сложных слов, считается одной из важнейших научных задач.

Таким образом, в настоящей диссертации с целью изучения особенности языка поэзии Бедиля предметом исследования избрано словосложение. Поскольку языковой фактологический материал, собранный нами из поэзии поэта, достаточно обширен и в рамках одной научной работы определить его лингвистическую ценность не представляется возможным, в настоящем исследовании в основном уделено внимание структурно-семантическим особенностям сложных слов одного из видов композитов, т.е. татпуруша.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является исследование языка поэзии Бедиля с точки зрения особенностей словосложения. Исследование закономерностей и структурно-семантических особенностей сложных слов в поэзии Бедиля на примере сложных слов типа татпуруша проводится впервые.

Для достижения намеченных целей обусловливает решение следующих задач:

- анализ структурно-семантических особенностей композитов типа татпуруша в поэзии Бедиля;
- исследование компонентов сложных слов с точки зрения их языковой принадлежности;
- определение места исконных слов в образовании композитов типа татпуруша;
- определение роли заимствованных слов в образовании композитов типа татпуруша;
- анализ лексико-грамматических групп слов в процессе образования сложных слов типа татпуруша;
- определение места многокомпонентных композитов в поэзии Бедиля и установление их исходной единицы;
- установление специфических моделей сложных слов типа татпуруша в поэзии Абульмаони;
- определение места отдельных слов (таджикских, арабских) при образовании сложных слов;
- определение вариативности композитов в поэзии Бедиля;
- исследование синонимии сложных слов типа татпуруша в контексте художественной поэзии Бедиля;
- анализ антонимии сложных слов типа татпуруша в поэтических образцах Бедиля;
- определение степени употребления композитов и их компонентов в поэзии Бедиля;
- анализ роли словообразовательных моделей в создании сложных и многокомпонентных лексем.

[8] Капранов В.А. Язык фарси в Индии и его отношение к таджикскому языку. // Масъалаҳои забоншиносӣ. – Душанбе: Дониш, 1983. – С.34.

На защиту выносятся следующие положения:

- Преобладание использования композитов в поэзии Бедиля.
- Использование Бедилем возможностей таджикского языка для образования сотен композитов.
- Преобладание в поэзии Бедиля двухкомпонентных композитов над многокомпонентными.
- Плодотворное и частое использование сложных слов типа татпуруша в поэзии Бедиля в частности, и в целом в таджикском языке.
- Классификация композитов с точки зрения их языковой принадлежности и определение роли слов различного происхождения в образовании композитов.
- Раскрытие возможностей и потенциала таджикского языка при образовании сложных слов на примере композитов типа «таджикское слово + таджикское слово» и «заимствованное слово + таджикское слово».
- Показ возможности модели «имя существительное + имя существительное» и модели «имя существительное + основа глагола настоящего времени» в образовании композитов.
- Демонстрация потенциала таджикского языка при образовании композитов с заимствованными компонентами в поэзии Бедиля, в том числе с арабскими, индийскими, греческими, тюркскими заимствованиями.
- Обоснование относительного превосходства композитов типа «арабское слово + арабское слово» в поэзии Бедиля над заимствованиями из других языков и продуктивности модели «имя существительное + имя существительное» в данном виде лексических единиц.
- Показ словообразовательных возможностей различных лексико-грамматических групп слов, и особенно инфинитива, в образовании композитов.
- Выполнение соединительной функции вспомогательными языковыми средствами в создании композитов, в том числе вспомогательным аффиксом -*ҳо* и артиклем *–е*.
- Употребление многокомпонентных композитов в поэзии Бедиля и их классификация на трехкомпонентные, четырехкомпонентные, пятикомпонентные и установление их исконной словообразовательной единицы.
- Преобладание трехкомпонентных композитов в поэзии Бедиля.
- Активное употребление трехкомпонентных композитов в месневи Бедиля и их малоупотребительность в других поэтических сочинениях поэта, в особенности в газелях.
- Повышенное внимание Бедиля к роли отдельных слов в создании композитов, в частности таджикских (*оина, обила, оташ, гавҳар, сар…*) и арабских (*нафас, тараб, ҳайрат, ҳавас, ҷунун…*).
- Употребление композитов в различных вариантах и выявление факторов вариативности композитов в поэзии Бедиля.
- Полисемантичность композитов в поэзии Бедиля.
- Создание Бедилем в его поэзии синонимического ряда композитов и раскрытие возможностей таджикского языка в выражении новых понятий.
- Антонимия композитов в поэзии Бедиля и факторы её проявления.
- Употребительные и архаичные композиты в поэзии Бедиля и классификация архаичных композитов по степени употребления их компонентов.

Практическая ценность исследования. В практическом плане материалы исследования могут быть использованы в процессе преподавания дериватологии, современного таджикского литературного языка (лексикология, морфология), истории таджикского литературного языка, стилистики, культуры речи. Вместе с тем отдельные результаты и выводы диссертации могут быть использованы при чтении теоретических и специальных курсов, а также оказать помощь студентам филологических факультетов высших учебных заведений РТ в их специальной профессиональной подготовке. Собранный фактологический материал может оказать помощь в составлении учебных пособий, толковых словарей таджикского языка и поэзии Бедиля.

Источники исследования. С целью решения задач, поставленных в диссертационном исследовании, был собран большой фактологический материал на основе изучения и анализа «Сочинений» Абдулкадыра Бедиля в восьми томах, изданных в Таджикистане известными текстологами С.Сиддиком и Б.Рахими (Душанбе: Адиб, 1990-2016), которые сопоставлены с «Куллиятом» Абульмаони Абдулкадыра Бедиля Дехлави, изданным под редакцией Х.Хаста и Х.Халили, а также Б.Х. Баноравони в четырех томах и пяти книгах (Тегеран: Талоя, 1389). В диссертации дается указание на данное издание.

Объект исследования – всестороннее исследование сложных слов поэзии Бедиля, выявление структурно-семантических особенностей композитов в поэзии Бедиля.

Предмет исследования. Предметом настоящего исследования является словосложение поэзии Мирзо Абдулкадыра Бедиля.

Методы исследования. Основными методами исследования избраны описательно-лингвистический, трансформационный, сравнительно-исторический, сопоставительный. В ходе исследования использовались также методы наблюдения и приемы статистического подсчета.

Теоретико-методологическая основа исследования. Теоретическую базу диссертационной работы составляют научные труды языковедов по дериватологии и лингвистике художественных произведений: П.Хорна, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Э. Бенвениста, Ж. Лазара, М. Шаки, К.Г. Залемана, В.А. Жуковского, Е.С. Кубряковой, Е.А. Земской, Л.Г. Герценберга, В.А. Лившица, Д.Т. Чхеидзе, Т.А. Чавчавадзе, П.Н. Хонлари, А. Хумоюнфарруха, М. Шариата, Д. Тоджиева, М. Турсунова, Ш. Рустамова, М. Касымовой, Д. Саймиддинова, Ф. Амоновой, А.Нозимова, А. Хасанзода, О. Касимова, М.Х. Султона, С. Ганиевой, а также исследования С. Айни, Э. Рахмона, Е.Э. Бертельса, Ш. Ну'мони, М. Бахор, А. Мирзоева, Х. Халили, Ш. Кадкани, Н. Ходи, И. Бечки, Н.И. Пригариной, В.А. Капранова, Б. Рахими, А. Насриддина и других в области изучения особенностей индийского стиля и языка поэзии Бедиля.

Новизна научного исследования. В диссертационном исследовании впервые на обширном фактологическом материале – образцах лексики поэзии выдающегося представителя индийского стиля Абдулкадыра Бедиля – всесторонне изучаются и анализируются структурно-семантические особенности сложных слов типа татпуруша. В связи с этим рассматриваются: специфика употребления композитов с точки зрения их структуры и смыслового наполнения, роль исконных и заимствованных слов в создании композитов, морфологический состав сложных слов. Новизна настоящего исследования обусловлена тем, что оно является первым в таджикском языкознании комплексным исследованием проблемы языкового своеобразия и художественного стиля Бедиля, его поэтического мастерства в словообразовании и создании новых слов (сложных и многокомпонентных).

Также впервые в диапазон научного осмысления включено изучение композитов по формальным и смысловым признакам, вариативности сложных слов, синонимии и антонимии композитов в поэзии Бедиля. Пристальное внимание уделено описанию и характеристике специфических моделей образования слов типа татпуруша и многокомпонентным композитам в поэзии Бедиля, а также определению роли отдельных лексем и степени участия компонентов в образовании сложных слов.

Научно-теоретическая ценность диссертации. Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что исследование структурно-семантических особенностей сложных слов художественной поэзии Бедиля позволит не только выявить существенные черты языка поэзии этого незаурядного творца поэтического слова, но и понять особенности развития индийского стиля. Постановленная в таком ракурсе проблема может оказаться весьма плодотворной для определения роли таджикских лексем в словосложении и образовании композитов, раскрытия их потенциала в подчинений заимствованных слов в ходе создания сложных слов, специфики форм и семантики композитов и в целом богатства языковых ресурсов таджикского языка. В данном

аспекте исследования заложена возможность проследить процесс образования многокомпонентных композитов и установить факторы и предпосылки их возникновения и функционирования, что, несомненно, составит перспективное поле для будущих наблюдений в этом научном направлении лингвистики.

Проблематика исследования. В диссертации рассмотрены следующие проблемы: изучение сложных слов в языкознании и теории классификации композитов; роль композитов в поэзии Бедиля; исследование композитов с таджикскими компонентами в поэзии Бедиля; анализ сложных слов с двумя заимствованными компонентами, а также таджикскими и заимствованными компонентами; вариативность композитов, семантические особенности сложных слов (полисемантичность, синонимия и антонимия); исследование многокомпонентных композитов, роль отдельных слов (таджикских, арабских) в формировании сложных слов и т. д.

Область исследования диссертации. Настоящая диссертационная работа посвящается исследованию дериватологии – словообразования, которое проводится на основе языка классической литературы (поэзия Бедиля). Ввиду этого областью исследования является историческое словосложение.

Исследование состоит из следующих этапов:

- выбор темы;
- поиск, сбор, исследование и чтение научно-литературных источников по теме диссертации;
- анализ материалов, полученных из научно-литературных источников, их сравнительное исследование с другими источниками;
- изучение структурно-семантических особенностей композитов поэзии Бедиля и выявление их лингвистических особенностей;
- прикладное применение полученной теории на практике;
- выводы и заключение.

Основной информационной и эмпирической базой исследования стали: преподавательская аудитория кафедры таджикского языка ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова», областные, республиканские и международные конференции.

Достоверность результатов исследования. Результаты научного исследования в виде опубликованных статей и монографии, переданных в ГУ «Таджикская национальная библиотека», ГУ «Областная научная библиотека имени Тошходжи Асири», библиотеку «Таджикского национального университета», и библиотеку ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова», используются в процессе проведения лекционных занятий и практикумов на факультетах таджикской филологии указанных вузов. Основные и важные положения и результаты диссертационного исследования были доложены на теоретических семинарах кафедры таджикского языка ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б.Гафурова», на научно-теоретических конференциях профессорско-преподавательского состава ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова» (2009-2023гг.), а также на международных и республиканских конференциях: «Международное значение таджикского мирного процесса» (г.Худжанд, 24-26 июня 2012 г.), «Состояние таджикского языка в XVII – начале XIX веков» (г.Душанбе, ТНУ, 30 октября 2012 г.), «Педагогические и методические новшества в обучении таджикскому, русскому и английскому языкам» (г.Душанбе, 22 мая 2014 г.), Четвертом Международном урсе (поминальный обряд) Бедиля (Тегеран, 18-19 января 2017 г.), «Проблемы социальной природы языка» (г.Душанбе, Институт языка и литературы имени Рудаки, 29 сентября 2017 г.), «Роль молодежи в развитии науки» (г.Худжанд, 22 мая 2017 г.), «Литературные связи и диалог культур» (г.Термез, 18-19 апреля 2019 г.), «Сайидо Насафи и его вклад в развитие таджикского языка и литературы» (г.Душанбе, ТНУ, 15-16 октября 2019 г.) и т.д.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности. Диссертация соответствует Паспорту специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран

(таджикский язык) (языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии). Диссертационное исследование выполненно в соответствии со следующими пунктами Паспорта специальности: пункт 1. Основные этапы и направления становления и развития конкретного языка или языковой семьи; пункт 3. Особенности формирования и функционирования конкретного языка или языковой семьи; пункт 7. Словообразовательная система языка или языковой семьи (классификация словообразовательных единиц и категорий, модели словообразования, словообразовательные ряды).

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры таджикского языка факультета таджикской филологии ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова» (протокол № 6, от 26 января 2023 г.).

Основное содержание диссертации и выводы исследования отражены в более чем 40 статьях автора, в том числе в 20 статьях, опубликованных в рецензируемых журналах из Перечня изданий ВАК Российской Федерации. Также по теоретическим положениям диссертации опубликованы статьи на таджикском и персидском языках в Таджикистане, Узбекистане и Иране. По теме диссертации опубликованы 1 монография и 2 сборника статей.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы, её общий объём составляет 332 страниц компьютерного набора.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во введении диссертации обосновывается актуальность темы исследования, определяются степень изученности проблемы, цели и задачи, научная новизна, теоретическая и прикладная значимость результатов научных изысканий, представлена методика научных поисков и основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертации названа «Композиты: классификация и их место в поэзии Бедиля» и состоит из двух разделов. **Первый раздел главы – «Классификация сложных слов в лингвистике» –** посвящен обобщению и оценке научно-исследовательских работ, выполненных в области словосложения, научных положений и доводов ученых относительно классификации композитов, а также их достижений и пробелов в исследовании данной проблемы.

Сложные слова составляют определенную группу в лексическом фонде таджикского языка. В результате всестороннего исследования особенностей композитов и их места в лексическом составе языка учеными было установлено, что с точки зрения характера доминирования лексем таджикский язык можно назвать наиболее продуктивным в образовании сложных слов.[9]

Сложные слова стали предметом исследования целого ряда отечественных и зарубежных ученых: Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Э. Бенвениста, Е.А. Земской, К.А. Левковской, Е.С. Кубряковой, Н.М. Шанского, В.Н. Немченко, Т.Д. Чхеидзе, Т.А. Чавчавадзе, Д. Тоджиева, М. Турсунова, Ш. Рустамова, М. Касымовой, Д. Саймиддинова, О. Касимова, М.Х. Султона, С. Рахматуллозода и других, внесших достойный вклад в исследование данной проблемы.

Обобщение научных источников по дериватологии убеждает в том, что научное сообщество расходится во мнении относительно классификации композитов. Исходя из этого, научно-исследовательские работы ученых в этом направлении можно разделить на следующие группы:

1. Исследования ученых, в которых для обозначения композитов используются термины «калимаҳои мураккаб» («сложные слова» – М.Мукарраби, А.Хумоюфаррух) или «калимаҳои муштақ» («деривационные слова» – М.Шариат), а классификация композитов проводится на основе моделей их образования.

[9] Ганиева С. Словообразовательное значение сложных слов таджикского языка (на материале литературных памятников X-X11 вв.): автореф. дис… канд. филол. наук. – Душанбе, 1990. – С.3.

2. Научные труды, в которых приводятся две классификации композитов (Ж.Лазар, Ш.Ниязи, М.Турсунов, В.С. Расторгуева, Л.С. Пейсиков, Ю.А. Рубинчик). Следует отметить, что предложенные классификации отличаются по своему принципу. Например, классификация, предложенная французским ученым Ж.Лазаром, отличается от классификации, в основу которой заложен принцип связи компонентов – соединительного и подчинительного.

3. Научные работы, в которых композиты классифицируются на три группы (К.Г. Залеман, В.А. Жуковский, Е.Э. Бертельс, Ш. Рустамов, Л.С. Пейсиков). В этой связи следует напомнить о двух обстоятельствах. Во-первых, классификация, предложенная Ш.Рустамовым, отличается тем, что основывается на связи компонентов сложного слова. Во-вторых, другим ученым в этой области, Л.С.Пейсиковым, в двух научных работах приводятся две разных классификации. В работе по лексикологии[10] предлагаются две классификации композитов по типу связи (соединительная, подчинительная), а в работе по словообразованию[11] – три классификации (детерминативы, копулятивы и синтактикоподобные сложные слова – сращения).

4. Исследования, в которых сложные слова классифицируются на четыре группы (Т.Д. Чхеидзе, Т.А. Чавчавадзе, М.Султон). Классификации этих ученых также имеют отличительные особенности.

5. Работы ученых, в которых предложены классификации по шести признакам композитов (Л.И. Жирков).

Таким образом, «по проблеме классификации сложных слов и терминов …споры продолжаются».[12] Здесь, безусловно, возникает вопрос: какой классификации придерживаются большинство лингвистов или же должны придерживаться?

На наш взгляд, в данном вопросе классификация индийских ученых является наиболее приемлемой, поскольку грамматика Панини, являясь высшей ступенью развития религиозно-лингвистической традиции Древней Индии,[13] оказала глубокое влияние не только на становление лингвистических направлений Индии, но и на японскую, арабскую и тибетскую лингвистическую мысль.[14] Классификация Панини, основанная на семантике, является универсальной и находит применение во многих языковых системах.[15]

Данная классификация выделяет следующие виды сложных слов:

1. Двандва – объединение двух и более равнозначных основ.[16] Приложение основ может происходить без какого-либо грамматического способа или посредством соединительных гласных (*-у-; -о-; -дар-; -бар-* и др.). Например: *даступо* (руки, ноги), *қилуқол* (споры), *обугил* (тело, плоть, натура, сущность), *обутоб* (закалка), *сапопо* (с головы до ног, весь), *рангоранг* (разноцветный), *рангубӯ* (краски и запахи), *саросар* (повсюду), *сарубарг* (бытие: часть мира), *талотум* (волнение), *шабурӯз* (день и ночь), *адаббатабақ* (почитание, воспитанность), *минобачанг* (держащий в руке графин для вина) и др.

2. Бахуврихи – специфическая модель сложного слова, «вторым членом которой всегда выступает имя существительное, первым элементом бывает имя существительное, имя прилагательное, причастие, местоимение, имя числительное, целиком же слово

---

[10] Пейсиков Л.С. Лексикология современного персидского языка. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. – 203 с.

[11] Пейсиков Л.С. Очерки по словообразованию персидского языка. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. – 198 с.

[12] Султон М.Ҳ. Ташаккул ва такомули истилоҳоти илмии форсӣ-тоҷикӣ. – Душанбе: Дониш, 2008. – С.108.

[13] Военец К.В. Древнеиндийская традиция (грамматика Панини) и современное индоевропейское языкознание: автореф. дис… канд. филол. наук. – СПб, 2006. – С.3.

[14] Военец К.В. Указ. соч. – С.5.

[15] Чавчавадзе Т.А. Именное словообразование в новоперсидском языке. – Тбилиси: Мецниереба, 1981. – С.73.

[16] Иванов В.В., Топоров В.Н. Санскрит. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. – С.122.

производит имя прилагательное и имеет значение «обладающий чем-то», «имеющий такие - то признаки».[17] Например: *гуҳартинат* (люди с благородной натурой / природой), *гулбадан* (изящный, буквально: человек, тело которого создано из розы) и т.д.

3. Татпуруша – соединение двух и более основ, из которых первый член является определением второго члена.[18] Между компонентами татпуруша можно усмотреть следы управления, в большинстве случаев – «главенство» второго члена над первым,[19] такие как *адаммуштоқ* (жаждущий небытия), *амалпаймо* (завершение работы), *ёқутрез* (украшенный драгоценными камнями), *самарфишон* (урожайный), *гуҳарпардоз* (выращивающий жемчуг), *зархез* (золотоносный), *тадбиргудоз* (завершающий работу), *ситамшарик* (заботливый), *аброфарин* (создающий облака), *андешанамо* (подобный мысли) и т.д.

Изучение лингвоспецифических особенностей таджикского языка убеждает в том, что в нём «главенство» второго компонента в композитах типа татпуруша является относительным, так как эта группа сложных слов может производиться также на основе факки изофат – выпадения изафета между определением и определяемым. В таких лексемах «главенство» приобретает первый член композита, такой как *сароб* (исток воды, мираж), *сарнома* (предисловие), *сарзамин* (начало земли), *сарманзил* (местожительство), *соҳибнафас* (дышащий), *соҳибҳаё* (стыдливый), *соҳибҷавҳар* (ученый), *соҳибҷалол* (величественный), *қатрахун* (капля крови). В связи с этим грузинский ученый Т.А. Чавчавадзе высказывает следующую мысль: «В ряде случаев изафетные отношения компонентов сложного слова оформляются их изафетной же последовательностью, т.е. определяемое предшествует определяющему».[20] Затем ученый на основе двуязычного словаря Ю.А. Рубинчика анализирует 1087 сложных слов с основным компонентом *соҳиб* (владелец), *духтар* (дочь), *писар* (сын). В целом ученым проанализированы 43 компонента с «главенствующей» позицией.[21] Исходя их этого, можно прийти к заключению, что одной из особенностей композитов таджикского (персидского) языка является выступление первого компонента в качестве доминанты.

4. Авьяйибхава – композиты, создающие неизменяемое слово (наречие). Такого рода сложные слова встречались в санскрите, в авестийском и в древнеперсидском языке.[22] Термин «авьяйибхава» в переводе с древнеиндийского языка буквально означает «превращение в неизменяемое», и, согласно толкованию европейских ученых в области санскрита, это «композиты с первым главным элементом» (composita mit regierendearn vorderglied). Композиты типа авьяйибхава в таджикском языке непродуктивны и поэтому в поэзии Бедиля немногочисленны.

Данная классификация в последующем получила большую поддержку лингвистов и была взята за основу в ходе исследования композитов. Так, профессор Д.Саймиддинов фиксирует в среднеперсидском языке лексемы типа двандва, татпуруша, кармадхарайа и бахуврихи и излагает анализ некоторых из этих образцов.[23] Эта классификация взята за основу и другим таджикским ученым, М.Х. Султоном, в ходе анализа сложных терминов таджикского языка[24]. Таджикские диалектологи Дж. Муруватов и С. Рахматуллозода также использовали данную классификацию в процессе исследования южных и юго-восточных говоров таджикского языка при анализе сложных слов.[25]

---

[17] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.33.

[18] Иванов В.В., Топоров В.Н. Указ. соч. – С.126.

[19] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.61.

[20] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.104.

[21] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.104-112.

[22] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.63.

[23] Саймиддинов Д. Вожашиносии забони форсии миёна. – Душанбе: Пайванд, 2001. - С.143-148.

[24] Султон М.Ҳ. Указ. соч. – С.107-122.

[25] Муруватов Дж. Именное словосложение в южных говорах таджикского языка. / Забоншиносии тоҷик. - Душанбе: Дониш, 1984. – С.47-64; Рахматуллозода (Хоркашев) С. Словообразования имён существительных в южных и юго-восточных говорах таджикского языка. – Душанбе, 2016. – С.129-186.

Второй раздел данной главы назван **«Место композитов в поэзии Бедиля»** и посвящен изучению и анализу теоретических положений исследователей относительно языка и стиля Абульмаони и места сложных слов в лексическом фонде языка поэта.

О жизненном пути и наследии Бедиля, а также о своеобразии индийского стиля в таджикской и персидской филологии создано большое количество научных работ, которые можно подразделить на две группы:

1. Исследования, непосредственно посвященные изучению жизни и художественного наследия Бедиля.
2. Научные изыскания, в которых в ходе исследования особенностей поэзии индийского стиля и его представителей затрагиваются вопросы, связанные со спецификой языка и стиля Бедиля.

К первой группе можно отнести научные труды известных ученых: С.Айни, Э. Рахмона, Е.Э. Бертельса, Х. Айни, Ш. Кадкани, Н. Ходи, И. Бечки, П. Муджаддади, Х. Хусаини, М. Козими, Х. Халили, Ю. Салимова, Б. Рахими, А. Насриддина, Б. Хамдама, Н. Садыковой, Н. Нурова и др.

В исследованиях Ш. Ну'мони, Н.И. Пригариной, А. Мирзоева, В.А. Капранова, Н. Ма'суми и др. рассматривается специфика индийского стиля и его представителей, в том числе своеобразие поэзии Абульмаони.

Изучение и обобщение специальной литературы по теме исследования в который раз убеждает, что язык произведений поэтов индийского стиля, в особенности Абульмаони, достаточно сложен и замысловат, причиной чего является многократное употребление сложных слов. Изучение и анализ огромного корпуса текстологического материала показывает, что сложные слова в поэзии Бедиля можно разделить на две группы: 1) двухкомпонентные композиты; 2) многокомпонентные композиты.

О многокомпонентных композитах Бедиля следует сказать, что, как только речь идет о стиле изложения этого «великого, плодотворного поэта-долгожителя» (выражение С.Айни), ученые в один голос твердят, что «поэтический стиль Бедиля сложен. Метафоры и структура предложений затейливы и преимущественно с точки зрения значения двусмысленны, хотя по сути своей язык (его произведений) отличается простотой…».[26] Таджикский ученый Б.Рахими связывает усложненность поэзии Бедиля с введением поэтом новшеств и проявлением вольностей в языке изложения.[27] Ш.Кадкани также считает, что «особенностью поэзии Бедиля, сделавшей его язык причудливым и витиеватым, является употребление специфичных слов и выражений».[28] «Специфичными словами и выражениями» Ш.Кадкани называет многокомпонентные слова, созданные и использованные поэтом. По словам Б.Рахими, частота употребления слов этой группы доведена поэтом до такой степени, что это стало одной из стилистических особенностей поэзии Абульмаони[29]:

Зи минқори булбул дар ин гулситон,
Навоест ***доманбароташфишон***. [т.3, 671]
От песни соловья в этом цветнике
Раскрываются бутоны, подобно огню, разжигаемому краем подола.

Таким образом, из приведенных примеров явствует, что: 1) морфемный состав сложных многокомпонентных слов неодинаков: а) некоторые из них образованы из трех морфем, такие как *ваҳшатобёр* (ужасающий), *бӯигулмаҳмил* (испускающий аромат); б) некоторые из них – из четырех и более морфем, такие как *дуоламтасаввургудоз* (искореняющий мысль), *рагигулостиншӯх* (возлюбленная), *шуъладарҷайбиҷустуҷӯфикан* (путешествующий, адепт); 2) способы их образования

[26] Бечка И. Бедил ва бедилгароён. / Шоири оинаҳо (баррасии сабки ҳиндӣ ва шеъри Бедил). -Техрон: Огоҳ, 1379. – С.89.

[27] Раҳимӣ Б. Тааммуле дар сабки Бедил. // Садои Шарқ, №4-6, 2002. – С.178; Раҳимӣ Б. Шарҳи шаст ғазали Бедил. – Душанбе: Деваштич, 2004. – С.14.

[28] Кадканӣ М. Шоири оинаҳо (баррасии сабки ҳиндӣ ва шеъри Бедил). – Техрон, 1379. – С.20.

[29] Раҳимӣ Б. Тааммуле... – С.175; Раҳимӣ Б. Шарҳи шаст ғазали Бедил. – С.21; 354.

различны: а) основу словосложения одной части слов составляет словосочетание и б) основу словосложения другой части – предложение.

Академик А.Мирзоев в своих исследованиях предполагал, что в XVII веке употребление в поэзии многокомпонентных сложных слов начало становиться рода нормой[30]. Но, на наш взгляд, новациям Бедиля в стиле изложения многокомпонентных композитов способствовали два экстралингвистических фактора: во-первых, буддийская религия, «имевшая влияние в Индии с доисторических времен», «разрешавшая поэтам, помимо религиозных и нравственных вопросов, размышлять над всеми волнующими их проблемами и выражать свои мысли как в устной, так и в письменной форме».[31] Во-вторых, «поскольку Бедиль многое пересказывает из древних индийских книг, должен был владеть древнеиндийским языком».[32] Поэтому влияние санскрита – одного из всемирно известных языков – на новшества Бедиля должно было быть не менее значительным, так как «санскрит прекрасно мог в одной короткой строфе вместить смысл нескольких стихов, а также передать большие математические цифры одним кратким и мягко произносимым словом. Например, обозначить цифру «десять тысяч» словом *гиро,* «сто тысяч» – *лоқ*, «четыре миллиарда триста двадцать миллионов» – ***голиё***».[33] Эту особенность санскрита отмечали и русские ученые В.В. Иванов и В.Н. Топоров.[34]

Эти соображения можно также обосновать сведениями из научных трудов индийских ученых Средневековья, как «Дхванялока» («Свет дхвани») Анандавардхана.

Изучение языка поэзии Бедиля, являющегося, по выражению Х.Хусайни, «усовершенствованным языком индийского стиля»,[35] убеждает в том, что возможности таджикского языка в образовании сложных слов достаточно широки, однако большинство из них не находится в употреблении.

Вторая глава – «Композиты типа татпуруша с таджикскими компонентами» – посвящена исследованию сложных слов, состоящих из двух таджикских компонентов, и в этой связи исследуется морфологический состав композитов, их вариативность и семантические особенности (синонимия, антонимия).

В таджикском языке сложные слова типа татпуруша достаточно распространены,[36] и обилие сложных слов этого типа в поэзии Бедиля является доказательством сказанного.

На наш взгляд, изучение композитов типа татпуруша целесообразно проводить в четырех аспектах: 1) анализ компонентов по происхождению; 2) по модели образования композитов; 3) по степени использования сложных слов; 4) по семантическим и структурным особенностям.

2.1. Модель «имя существительное + имя существительное» является наиболее продуктивной. В группе композитов типа «таджикское слово + таджикское слово» данная модель образовала более 180 композитов. Следует отметить, что из этих композитов только 54 композита, или 30%, были выявлены в толковых словарях. 70% композитов этой модели принадлежат перу Бедиля: *боришасбоб* (изобилие богатства), *гаҳворасавор* (глупый ребенок), *донишкоҳ* (то, что убавляющий знания), *маргпаём* (весть о смерти) и др. Названные композиты вызывают интерес по нескольким обстоятельствам:

1. Некоторые композиты этой модели Абульмаони использует в нескольких вариантах. К примеру, *гумраҳ – гумроҳ* (заблудившийся, сбившийся с пути, потерявший

---

[30] Мирзоев А. Сайидо Насафи и его место в истории таджикской литературы. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1954. – С. 150.

[31] Рашшод М. Фалсафа аз оғози таърих (таҳияи С.Маҳмадулло ва И.Саидиён). Китоби 1. -Душанбе: Ирфон, 1990. – С.24.

[32] Айнӣ С. Мирзо Абдулқодири Бедил. – Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1954. – С.106.

[33] Рашшод М. Указ. соч. – С.24.

[34] Иванов В.В., Топоров В.Н. Указ. соч. – С.119-125.

[35] Ҳусайнӣ Ҳ. Бедил, Сипеҳрӣ ва сабки ҳиндӣ. – Теҳрон: Суруш, 1387. – С.9.

[36] Ефимов В.А. и др. Персидский, таджикский, дари. / Основы иранского языкознания. Т.3. Новоиранские языки. – М: Наука, 1982. – С.227.

дорогу); *табхол – табхола* (сыпь на губах); *шабихун – шабхун* (ночное нападение); *шаҳаншоҳ – шаҳаншаҳ* (великий царь).

2. Исходными единицами некоторых композитов этой модели являются именные словосочетания. Исследование поэтических текстов Бедиля показывает, что композиты данной модели производятся следующими способами:

А. Посредством выпадения изафета между определением и определяемым словом: *боғгул* (цветник), *сароб* (мираж, исток воды), *сарангушт* (большой палец), *сарнома* (предисловие), *сармоя* (капитал) из которых лексические единицы *сароб, сарангушт, сарнома* встречаются чаще и проявляют полисемантичность. В следующем бейте *сарришта* использована в значении быть сбитыми с толку:

*Чӣ гӯем? **Сарришта**и мо гум аст,*
Нафас, гӯ, баён шав, таманно гум аст. [т.3, 626]
Что сказать? Мы сбились с толку,
Скажи дыханию: излагай, желания исчезли.

Б. С изафетными словосочетаниями методом перевёртыша, к примеру *гиряоҳанг* (плачущий тон), *занбӯрхона* (осиное гнездо), *зинсавор* (сидящий в седле) и др. Композит *гиряоҳанг* использован в значении «глаза, наполненные слезами»:

*Ҷунунпаймона чашме **гиряоҳанг**,*
Сияҳмасте шикасти шиша дар чанг. [т.3, 550]
Глаза, наполненные слезами, подобны чаше, полной безумия,
Мертвецки пьяные, угрожающие разбить бутыль в руках.

3. Ряд композитов Абульмаони отличается от исходных моделей благозвучностью. В следующем бейте лексема *гаҳворасавор* использована в значении «глупый ребенок».

З-ин шайх ризоат ошкор аст ҳанӯз,
*Хам гаштаву **гаҳворасавор** аст имрӯз*. [т.2, 633]
Этому шейху ребячество все еще присуще,
Хотя и сгорблен, но и сейчас глуп, как ребенок.

4. Поэт в ходе словообразования использует не только простые, но и производные существительные, которые по строению компонентов можно разделить на две группы: а) «производный компонент + простой компонент»: *ошуфтагибунёд* (убитый горем), *хубитироз* (добронравный); б) «простой компонент + производный компонент»: *оинаравшангар* (украшающий зеркало).

5. Целый ряд композитов в поэзии Абульмаони употребляется в разговорной речи в значении, известном в таджикском языке. Например, лексема *сарзаниш* имеет значение «прокалывание», «пронзание»,[37] однако в разговорном языке используется в значении «укор», «упрек».[38] В поэзии Бедиля названный композит использовано именно в этом значении:

*Аз **сарзаниш**и халқ ба худ меболам,*
Чун оташи афсурда зи доман хӯрдан. [т.2, 556]
От упреков народа ликует сердце,
Как застывший огонь, который раздувают подолом.

2.2. Модель «имя существительное + имя прилагательное». Эта модель относится к продуктивным моделям словосложения,[39] однако в поэзии Бедиля малочисленны – обнаружено всего семнадцать композитов.

Из композитов типа татпуруша, созданных по модели «арабское слово + таджикское слово», в поэзии Бедиля зафиксировано всего 22 примера, что также свидетельствует о непродуктивности данной модели.

---

[37] Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX). – М.: Советская энциклопедия, 1969. Т.2. – С.206. В дальнейшем ФЗТ.

[38] Айнӣ С. Луғати нимтафсилии тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик. Куллият. Т.12. – Душанбе: Ирфон, 1976. – С.336. В дальнейшем Айнӣ; ФЗТ. Т.2. – С.206.

[39] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. - С.112.

К наиболее употребительным композитам можно отнести следующие сложные слова: *шабнам* (роса), *сангреза* (гравий), *лабхушк* (жаждущий), *лабташна* (жаждущий), *нозмаст* (опьяненный негой) и т.д.

В поэзии Бедиля слово *лабташна* использовано иносказательно, в значении «влюблённый», а слово *ташналаб* – как «жаждущий крови»:

*Соғари **лабташнагон**и ишқро Кавсар куҷост?*
Ҳар чи аз мавҷи зулолаш дидаӣ, хамёза аст. [т.1 (п.ч.), 200]
Где находится источник (вина) для чаши жаждущих любви?
То, что ты увидел волну прозрачной воды, – это зевание (мираж).

***

*Ҳамеша **ташналаби** хуни мо бувад, Бедил,*
Ҷу шиша ҳар ки ба даст оварад дили моро. [т.1 (п.ч.), 121]
Будет жаждать нашей крови, Бедиль,
Каждый, кто возьмет наше сердце, как бутылку.

Вторую группу композитов этой модели составляют сложные слова, не вошедшие в известные толковые словари: *ҳушдушман* (враг рассудка), *гиребончок* (человек с разорванным воротником), *парваришташа* (жаждущий воспитания), *ҳангомагарм* (устраивающий дебош) и др.

2.3. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола». В словосложении эта модель относится к числу основных продуктивных форм образования композитов типа татпуруша.[40] На основе модели «таджикское слово + таджикское слово» произведено более 800 (847) композитов. Анализ показывает, что на основе модели «арабское слово + таджикское слово» создано еще больше сложных слов (более 900 композитов), из чего следует, что глагольные словосочетания обладают большим потенциалом для трансформации в композиты.

2.3.1. Вариативность композитов. Анализ композитов данной модели показывает, что многие из них обладают вариативностью. Например: *гавҳарфишон / гуҳарфишон* (рассыпающий жемчуг); *гавҳарфурӯш / гуҳарфурӯш* (продающий жемчуг); *гавҳархез / гуҳархез* (место, где появляется жемчуг); *гулафшон / гулфишон* (осыпающий цветами); *доманафшон / доманфишон* (покидающий, появляющийся); *оташафрӯз / оташфурӯз* (возжигающий огонь).

Собранный материал можно разделить на следующие группы в зависимости от того, структурное изменение какого компонента обусловило возникновение вариативности:

1. Композиты, в которых обусловил вариативность лексем первый компонент, например *афсонасоз / фасонасоз* (сказочник). Исследование поэзии Бедиля свидетельствует о том, что поэт уделяет большое внимание употреблению усеченных вариантов композитов. Это обстоятельство обусловлено ритмикой стихосложения.

2. В другой группе композитов первый компонент выступает в двух формах: в полной и усечённой, вследствие чего образовались вариативные композиты, к примеру *гавҳарфишон / гуҳарфишон; гавҳарфурӯш / гуҳарфурӯш; гавҳархез / гуҳархез; поймол / помол* и др.

3. Сложные слова, в которых обуславливает вариативность лексем замена второго компонента, например *гулафшон / гулфишон; доманафшон / доманфишон; парафшон / парфишон; партавафкан / партавфикан (дающий свет)* и др.

В целом анализ поэзии Бедиля приводит к заключению, что при создании композитов поэт отдает предпочтение редуцированным вариантам композитов.

2.3.2. Синонимия композитов. В ходе образования новых композитов Абульмаони создает синонимичные пары. По признанию ученых, эта особенность является одним из характерных признаков сложных слов.[41]

[40] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. - С.117.

[41] Василевская Е.А. Словосложение в русском языке. – М.: Учпедгиз, 1962. – С.103-105.

Синонимичные композиты следующих поэтических образцов употреблены в значении: а) сказитель, знаток слова (в первом бейте); б) в значении «создатель, творец» (во втором бейте):

Бедил, аз ***афсонапардоз****они ин маҳфил мабош,*
Шамъро гайр аз забони чарби худ ҷонкоҳ нест. [т.1, (п.ч.), 380]
Бедиль, не будь из числа сказителей этого собрания,
Свеча терпит страдания из-за своего маслянистого (мягкого) языка.

***

Нест, Бедил, вазъи ман ***афсонасоз****и дарди сар,*
Ҳамчу хомӯшӣ шароби бехуморам кардаанд. [т.1, (п.ч.), 702]
Моё состояние, Бедиль, не создаёт головной боли,
Меня, как молчание, создали неопьяняющим вином.

Синонимичные композиты производятся в результате замены первого или второго компонента – основы настоящего времени глагола, или, в случае разнозначности компонентов в образовании композита, – путем согласования их смыслового значения. Например, *муфтбар – муфтхор* (живущий за чужой счёт); *мушкафшон – мушкбор* (благоухающий мускусом); *найрангбоз – найрангсоз* (хитрец); *обиладор – обилафарсо* (покрытый оспинами / волдырями / сыпью); *паёмгузор – паёмовар* (приносящий весть) и др.

В третьей группе композитов компоненты не повторяются или полностью отличаются по лексическому составу, однако близки по значению, к примеру *нурпош – партавафкан* (сверкающий):

Офтобанд ***нурпош****и ҳама,*
Гармии шуълаи маоши ҳама. [т.3, 166]
Как солнце, сияет для всех,
Они – тепло пламени пропитания людей.

***

То ламъаи зот ***партавафкан*** *нашавад,*
Истеъдоди ҷаҳон мубарҳан нашавад. [т.2, 390]
Пока сияние Сути не будет излучаться,
Готовность мира не будет очевидной.

По сравнению с другими группами композитов поэт чаще использует синонимичные композиты и, наравне с этим, создает новые синонимичные пары.

2.3.3. Антонимия композитов. В поэзии Бедиля композиты также вступают в антонимичные отношения. Примером могут послужить следующие лексемы: *сарафроз – сарфикан* (удостоенный признания – с поникшей головой); *ҷаҳонтоб – ҷаҳонсӯз* (озаряющий мир – разрушающий мир); *ҳавопараст – худопараст (*питающий влечение – набожный) и др. В диссертации обстоятельно проанализированы структурно-семантические особенности этой группы лексических единиц.

2.3.4. Классификация композитов по степени использования. Некоторые композиты являются архаизмами, к примеру *бахяфарсо* (изношенная вещь), *баҳладор* (обладающий кожаной перчаткой), *баҳлапӯш* (надевший кожаную рукавицу).

Таким образом, модель **«имя существительное + основа настоящего времени глагола»** относится к продуктивным моделям словосложения типа татпуруша.

2.4. **Модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола»** относится к известным моделям образования композита, однако, в отличие указанной выше модели, не является продуктивной. На основе этой модели из группы композитов типа **«таджикское слово + таджикское слово»** произведено более сорока сложных слов. Если считать композиты группы «**арабское слово + таджикское слово»,** то по этой модели произведено в целом более 80 композитов.

Исходными единицами для композитов этой модели считаются также глагольные словосочетания. В образовании композитов активное участие принимают глаголы *олудан* (вымазаться), *парвардан* (лелеять), *андудан* (покрыть, объять), *бастан* (связывать), *овардан* (привести).

Среди них глагол *олудан* характеризуется большей валентностью и участвует в образовании таких композитов, как *ашколуд* (заплаканный), *дардолуд* (больной), *доголуд* (покрытый пятнами), *оташолуд* (пламенный), *сурмаолуд* (вымазанный сурьмой), *хоболуд* (сонный). В следующем ниже бейте выражение *пои хоболуд* использовано в значении «неподвижная нога»:

Ҷунбишам аз ҷо барад, мушкил, ки ҳамчун Бесутун
Пойи ***хоболуд****и ман санги гарон дар доман аст*. [т.1 (п.ч.), 277]
Движение не может вести меня, ибо, как Бесутун,
Мои заспанные ноги – тяжелые камни в моем подоле.

Глагол *парвардан* находится в постпозиции и принимает участие в образовании девяти новых слов: *баҳорпарвард* (лелеемый весной), *нигаҳпарвард* (лелеемый взглядом), *нозпарвард* (лелеемый негой), *сурмапарвард* (лелеемый сурьмой) и др.

Композит *нозпарвард* в составе словосочетания *чини нозпарвард* употреблено в значении «унылое лицо, клевещущий»:

Чини ***нозпарвард*** *аст гарди ваҳшатам, Бедил,*
Домане гар афшондам, туррае парешон шуд. [т.1 (п.ч.), 524]
Пыль моей одичалости – морщина изнеженности, Бедиль,
Если встряхнул подол, локон растрепался.

Лексическая единица *андудан* участвует в образовании семи композитов, в том числе *баҳорандуд* (покрытый весной), *бӯсаандуд* (покрытый поцелуями), *дидаандуд* (покрытый взглядом), *нолаандуд* (покрытый стоном) и др. В следующем бейте композит *зарандуд* имеет значение «позолоченный, покрытый позолотой»:

Ба чокаш ҳар ки ангуште фурӯ суд,
Чу моҳи нав шудаш нохун ***зарандуд***. [т.3, 564]
Если кто в разрез сунул палец, (то палец),
Как новый месяц, стал позолоченным.

В целом модель **«имя существительное + основа прошедшего времени глагола»** относится к продуктивным моделям словообразования и в основном производит прилагательные, иногда существительные и изредка – наречия.

2.5. Модель «имя существительное + причастие» относится к распространенным моделям словосложения типа татпуруша.[42] В поэзии Бедиля по указанной модели из группы композитов **«таджикское слово + таджикское слово»** выявлено более ста композитов, например *ашкбаста* (проливающий слезы), *бағалпарварда* (лелеемый объятиями), *бахтхуфта* (несчастный), *навопарварда* (лелеемый мотивом), *сурмабехта* (содержащий сурьму), *солхӯрда* (пожилой) и др.

2.5.1. Вариативность композитов. Некоторые композиты этой модели Бедиль употребляет в различных вариантах. Примером могут послужить языковые единицы *сарафканда / саруфканда / сарфиканда* (покорный).

2.5.2. Синонимия композитов. Некоторые композиты данной модели находятся в синонимических отношениях: *намандуда – намзада – намхӯрда – намкашида* (влажный) и др. В следующих бейтах синонимичные слова употреблены в значении «печальный верный влюблённый, обезумевший от любви»[43]:

Эй ба зулфат ҷавҳари оинаи дил тобҳо,
Чун мижа ***дилбаста****и чашми сиёҳат хобҳо*. [т.1 (п.ч.), 15]
В твоих локонах блестит жемчуг зеркала сердца,
Сны, как ресницы, привязаны к твоим черным глазам.

***

Ишваи улфати дунё нахарад Бедили мо,
Нақди ***дилбохта*** *савдои муҳаққар накунад*. [т.1 (п.ч.), 657]

[42] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.117.

[43] Деҳхудо А. Фарҳанги мутавассити Деҳхудо (зери назари дуктур С.Шаҳидӣ). - Теҳрон: Муассисаи интишорот ва чопи Донишгоҳи Теҳрон, 1385. Т.1. - С.1333. в дальнейшем Деххудо; Муин М. Фарҳанги форсӣ. - Теҳрон: Амири Кабир, 1375. Т.2. - С.1549. В дальнейшем Муин

Кокетство мирских привязанностей не приобретет наш Бедиль,
Не продаст он богатство сердца за бесценок (мирские привязанности).

2.5.3. Антонимия композитов. Некоторые композиты этой модели находятся также в антонимичных отношениях, например *бодоварда* (принесенный ветром, неожиданная находка) и *бодбурда* (унесенный ветром). В первом бейте словосочетание *хоки бодоварда* использовано для обозначения человека, который создан из праха, однако *ганҷи бодоварда* означает «сокровище, богатство, приобретённое без труда, дарованное Богом»:

Бо губори ваҳме аз ҳастӣ қаноат кардаем,
Хоки ***бодоварда****и мо ганҷи бодоварди мост*. [т.1 (п.ч.), 333]
От существования мы удовлетворились пылью воображения,
Наш ветром занесённый прах есть наше неожиданно привалившее сокровище.

***

Ғурбат аз ҳайъатат асарпаймост,
Ватани ***бодбурда****и ту куҷост*? [т.3, 360]
Скитание по чужбине в твоем облике,
Где твоя ветром унесенная Родина?

2.6. Модель «имя прилагательное + имя существительное». В поэтических текстах Бедиля зафиксировано более 60 композитов, созданных по этой модели: *бараҳнапо* (босоногий), *бараҳнасар* (с непокрытый головой), *гармбозор* (тот, у кого бойкая торговля), *куҳандеҳқон* (пожилой дехканин), *куҳантакрор* (повторяющий старое), *куҳнахишт* (мир, старый кирпич) и др. Исходной единицей для композитов этого типа являются изафетные словосочетания, которые в результате выпадения изафета, к примеру *ташнадидор* [т.3, 489]*, ташнаоғӯш* (жаждущий объятий) [т.3, 537] и методом перевёртыша, к примеру *гармдору* (имбирь), *гармоҳанг* (приятный, ласкающий слух), создают новые композиты.

2.6.1. Семантические особенности композитов. Некоторые композиты этой модели вступают в антонимичные отношения, но другая часть представляет собой синонимы. Например, композиты *гармоҳанг* [т.2, 513] и *гармнаво* [т.2, 597] проявляют синонимичность. Близки по значению к *хушклаб* (испытывающий жажду, жаждущий) и композиты *ташналаб* и *сӯхталаб*[44]

Композиты *куҳнабино* (старое здание, старый мир) [т.1 (п.ч.), 120] и *шигарфбино* (поразительное здание) [т.3, 181] в поэзии Бедиля противоположны по значению.

2.7. Модель «имя прилагательное + основа настоящего времени глагола» относится к распространенным моделям словообразования, производящим прилагательные.[45] По этой модели создано 30 композитов. Эту группу композитов с точки зрения их присутствия в лексическом составе таджикского языка можно разделить на две группы: 1) композиты, входящие в словарный состав языка и относящиеся к литературному пласту: *бадгӯ* (злоязычный), *бадомӯз* (дающий плохие советы), *бадхоҳ* (недоброжелательный), *гаронхез* (медлительный) и др.; 2) не встречается в известных нам толковых словарях: *гармҷӯш* (подвижный), *гарминталош* (ретивый), *зарринсоз* (золотой инструмент) и др.

Модель **«имя прилагательное + основа настоящего времени глагола»** является одноисходна и в основном производит прилагательные.

2.8. Модель «имя прилагательное + основа прошедшего времени глагола» малопродуктивна. По этой модели в поэзии Бедиля выявлено пять композитов: *намандуд* (покрытый влагой), *намолуд* (влажный), *нанголуд* (покрытый стыдом), *тунукбаст* (ограниченный)**.** Данная модель является двуисходной и по большей части образует существительные, а иногда – прилагательные.

2.9. Модель «имя прилагательное + причастие» – эта модель относится к числу непродуктивных моделей словообразования. По этой модели выявлено шесть

[44] Деххудо. Т.1. - С.743; Т.2. - С.1137.
[45] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. - С.141.

композитов: *навруста* (свежий, молодой), *сернахӯрда* (ненасытившийся), *тиҳишуда* (пустой), *хамгашта* (согнутый) и др. По нашим исследованиям, большей употребительностью пользуется композит *хамгашта*:

*Қади **хамгашта** нишон медиҳад аз ваҳшати умр,*
Бар дари хона аз он ҳалқа рикоб аст ин ҷо. [т.1 (п.ч.), 3]
Согбенный стан свидетельствует об ужасах жизни,
На дверях дома от того кольца здесь (есть) стремя.

2.10. Модель «местоимение + имя существительное» также относится к числу непродуктивных моделей словообразования[46] и является одноисходной: образует только существительные. В поэзии Бедиля по этой модели выявлен только один композит – *худсар* (своенравный):

***Худсар** ба марг гардани даъвӣ фуруд кард,*
Чун сар намонд, шамъ қабули суҷуд кард. [т.1 (п.ч.), 568]
Своенравный склоняет голову перед смертью,
Как только не станет головы, свеча склоняется в молитвенном поклоне.

По нашим наблюдениям, композит *худсар* чаще всего встречается в месневи поэта «Ирфан» («Познание») (9 раз) и в его диване рубаи (5 раз).

2.11. Модель «местоимение + основа настоящего времени глагола». По нашим подсчетам, по этой модели произведено 14 композитов. Из местоименной части речи использованы только два местоимения – *худ* (в 12-ти композитах) и *ҳама* (в 2-х композитах). Из глагольных форм валентность проявляют глаголы *оростан, дидан, санҷидан, доштан* и др. Например, *худбин* (эгоист), *худдор* (сдержанный), *худоро* (щеголь), *худфурӯш* (хвастливый), *худшинос* (самопознающий), *ҳамадон* (всезнающий), *ҳамарас* (доступный; помогающий всем) и др.

2.12. Модель «местоимение + причастие» считается непродуктивной,[47] поскольку образует только один композит – *худкарда* (самочинное действие), встречающийся и в таджикской пословице *худкардаро даво нест, вовайлои пинҳонӣ* (сам себя вини, что посеял, то и жни). Данный композит единожды встречается в месневи «Ирфан» в значении, хорошо известном в таджикском языке:

*Кори **худкарда**ро талофӣ нест,*
Ҷурми ҷаҳл аст ин, маофӣ нест. [т.3, 376]
Самочинное действие не имеет компенсации,
Это вина невежества, извинений нет.

2.13. Модель «основа прошедшего времени глагола + имя существительное» считается малопродуктивной моделью. По этой модели в исследуемом поэтическом материале произведено 6 композитов: *шикастбунёд* (разрушенно-воссозданный) [т.1 (п.ч.), 369]*, шикастнаво* (склонный к поражениям) [т.3, 33]*, шикастовоза* (ставший известным из-за поражений) [т.3, 475]*, шикастомода* (готовый к поражениям) [т.1 (п.ч.), 271] и др.

2.14. Модель «причастие + имя существительное» также относится к малопродуктивным моделям словообразования, по этой модели созданы пять сложных слов: *бохташарм* (проигравший стыд) [т.1 (п.ч.), 633]*, буридаумед* (отрезанная надежда) [т.3, 198]*, ворастановак* (стрела взгляда возлюбленной) [т.1 (п.ч.), 305] и др. Данная модель является одноисходной и в основном производит прилагательные, однако в одном случае по этой модели произведено существительное *нохондамеҳмон* (незваный гость).

2.15. Модель «причастие + имя прилагательное» относится к числу непродуктивных моделей словосложения. В поэтических текстах Бедиля согласно этой модели обнаружен только один композит – *ногаштанагун* [т.1 (п.ч.), 469] – означающий «несвернутый».

[46] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.142.
[47] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.143.

2.16. Модель «причастие + основа настоящего времени глагола» также относится к непродуктивным моделям словообразования.[48] По этой модели зафиксирован один композит – *гусастамарас* (потерявший власть над собой) [т.1 (п.ч.), 115].

2.17. Модель «наречие + имя существительное». Эта модель является малопродуктивной и создает татпуруша типа кармадхарая.[49] В поэтических текстах Бедиля нами были обнаружены композиты *осударафтор* (мирный), *пешпо* (спотыкание), *сермаст* (сильно пьяный), среди которых *пешпо* обладает большей частотностью и употреблена в значении, известном в таджикском языке:

Касе, к-аз саркашӣ роҳи тариқат сар кунад, Бедил,
Хӯрад сад ***пешпо*** *чун мавҷ, то як гом бардорад*. [т.1 (п.ч.), 697]
Кто начинает путь тариката с неповиновения, Бедиль,
Сто раз спотыкается, как волна, прежде чем сделает один шаг.

2.18. Модель «наречие + основа настоящего времени глагола» не относится к продуктивным моделям словообразования.[50] В поэзии Бедиля по этой модели были выявлены всего девять композитов: *зернишин* (живущий в низине, побежденный), *осударав* (спокойно идущий), *ошуфтагӯ* (возбужденно говорящий) и др. В образовании этого ряда композитов большей степенью валентности обладает наречие *рост* – *ростбин* [т.3, 729], а из глагола *дидан* – *тезбин* [т.2, 381].

2.19. Модель «наречие + причастие» является продуктивной моделью словообразования и участвует в образовании композитов типа кармадхарая.[51] В поэзии Бедиля по этой модели образован всего один композит – *дикунанда* (творец прошлого, имевший хорошее будущее) [т.2, 377].

Таким образом, при образовании композитов типа татпуруша активно используются таджикские лексические единицы, которые образуют новые слова по различным моделям словообразования. Продуктивность в словообразовании таджикских лексических единиц, в том числе в поэзии Бедиля, обусловлена тем, что персидский язык в Индии развивался на основе персидского языка Мавераннахра.

В образовании этой группы сложных слов наибольшую степень продуктивности проявляют модели **«имя существительное + основа глагола настоящего времени»** (зафиксировано 849 композитов), **«имя существительное + имя существительное»** (обнаружено 180 композитов), **«имя существительное + причастие»** (зафиксирован 101 композит), «**имя прилагательное + имя существительное»** (обнаружены 68 композитов). Модели «**причастие + имя прилагательное», «наречие + причастие», «местоимение + причастие»** и «**местоимение + имя существительное»** относятся к непродуктивным моделям, так как согласно им образовано всего по одному композиту.

Статистические показатели по композитам типа **«таджикское слово + таджикское слово»** приведены в таблице 1. **Таблица 1**

№	Модели словообразования	Число продукт модели	Продукт модели	Структурно-семантические особенности			
				вар.	полис.	син.	ант.
1	существительное + существительное	180	существительное; прилагательное	+	+		
2	существительное + прилагательное	17	существительное; прилагательное		+		
3	существительное + основа глагола	849	существительное; прилагательное	+	+	+	+

[48] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.144.
[49] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.166.
[50] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.164.
[51] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.166.

	настоящего времени						
4	существительное + основа глагола прошедшего времени	43	существительное; прилагательное; наречие		+		
5	существительное + причастие	101	существительное; прилагательное	+	+	+	+
6	прилагательное + существительное	68	прилагательное; существительное; наречие		+	+	+
7	прилагательное + основа глагола настоящего времени	37	прилагательное	+	+	+	+
8	прилагательное + основа глагола прошедшего времени	5	существительное; прилагательное		+		
9	прилагательное + причастие	6	прилагательное		+		
10	местоимение + существительное	1	существительное; прилагательное				
11	местоимение + основа глагола настоящего времени	14	существительное; прилагательное		+		
12	местоимение + причастие	1	прилагательное				
13	основа глагола прошедшего времени + существительное	6	существительное		+		
14	причастие + существительное	4	прилагательное				
15	причастие + прилагательное	1	прилагательное				
16	причастие + основа глагола настоящего времени	1	прилагательное				
17	наречие + существительное	5	существительное; прилагательное				
18	наречие + основа глагола настоящего времени	9	прилагательное; существительное				
19	наречие + причастие	1	существительное				
	Итого:	**1349**					

Третья глава диссертации названа **«Композиты татпуруша с таджикскими и заимствованными компонентами»** и состоит из двух разделов и нескольких подразделов. Указанный вид композита в диссертации разделен на две группы.

3.1. Композиты с одним таджикским и одним заимствованным компонентом.

3.2. Композиты с двумя заимствованными компонентами.

Первый раздел – «**Татпуруша с одним таджикским и одним заимствованным компонентом**» – состоит из подразделов, в которых исследуются такие виды композитов, как **«арабское слово + таджикское слово», «индийское слово + таджикское слово», «греческое слово + таджикское слово»** и др.

3.1. Татпуруша с одним таджикским и одним заимствованным компонентом.

3.1.1 Татпуруша типа «арабское слово + таджикское слово». Сложные слова типа «**арабское слово + таджикское слово»** относятся к продуктивным моделям

словообразования. По нашим подсчетам, по этой модели произведено 1434 композита типа татпуруша, в то время как по модели «**таджикское слово + арабское слово»** произведено более 300 сложных слов. Из этого можно заключить, что таджикские лексемы обладают большим потенциалом словообразования и, подчинив себе большое количество арабских слов, образуют композиты. По принадлежности компонентов к лексико-грамматическим группам слов их можно подразделить на следующие подгруппы:

1. Модель «имя существительное + имя существительное» принадлежит к продуктивным моделям словосложения типа татпуруша.[52] Продуктивность данной модели обусловлена двумя факторами: 1) существительные обладают потенциалом подчинения лексических единиц; 2) из арабского языка преимущественно были заимствованы имена существительные. Так, в поэзии Бедиля были выявлены 304 композита, созданные по этой модели. Самыми распространенными композитами данной модели являются *гамхона* (дом печали), *ибратоҳанг* (назидательный), *мурувватдушман* (великодушный враг), *тағофулхона* (дом беспечности), *тамошохона* (дом представлений), *тарабсаро* (увеселительный дом), *хилватсаро* (уединенное место) и др.

Ряд композитов модели «имя существительное + имя существительное» сложился в результате выпадения изафета: *қатрахун, қатраашк* (слёзная капля), *анҷомкор* (конец работы), *соҳибафсар* (венценосец) и др.

1.1. Синонимия сложных слов. Абульмаони достигает семантического тождества композитов двумя способами:

1. В результате замены первого компонента композита, например: *аламхона – гамхона – мотамхона* (дом, где много печали, скорби) и др.:

Ба он улфатобод, то сар кашид,
*Тарабгоҳи дилро **аламхона** дид*. [т.3, 734]
Когда он достиг того края привязанности, то
Увидел, что увеселительное заведение сердца превратилось в дом скорби.

***

*Ки дар **гамхона**и ин базми пуршӯр*
Ҳазар кун аз фусуни тору танбӯр. [т.3, 472]
В доме скорби этого шумного пира
Берегись чар тара и танбура.

2. В результате замены второго компонента: *маъниогоҳ – маъниошно* (знающий суть); *ишратбино – ишратхона* (увеселительное заведение, место для развлечений); *мотамсаро – мотамхона* (дом, где носят траур, оплакивают покойника) и др.:

*Олами эҷод **ишратхона**и ҷузву кул аст,*
Дар баҳори ранг ҳар ҷо чашм во гардад, гул аст. [т.1 (п.ч.), 345]
Мир творения есть дом увеселения единичного и множественного,
В весне цвета, где бы ни открылись очи, увидишь цветы.

***

*Чу оина **ишратбино**и ҳузур,*
Чу фирдавс меҳмонсарои сурур. [т.3, 700]
Как зеркало, увеселительное заведение присутствия,
Как рай, гостевая комната радости.

В поэзии Бедиля можно также встретить композиты с разными основами, которые также проявляют синонимичность, к примеру *мактабсаро* и *дарсхона*:

*Ки дар ин **дарсхона**и такмил*
Пеш рафтааст фурсат аз таъҷил. [т.3, 105]
В этом классе совершенства
Миг опережает срочность.

***

[52] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.97.

Дар ин ***мактабсаро*** *гар матлабе ҳаст,*
Варақгардонии рӯзу шабе ҳаст. [т.3, 411]
Если в этой школе (классе) есть какая-либо цель,
То это перелистывание дня и ночи.

Композиты типа «**арабское слово + таджикское слово»** могут вступать в синонимичные отношения со сложными словами другой модели, такими как «**арабское слово + арабское слово».** К примеру, этой особенностью обладают композиты *маҷнунсиришт* (безумно влюбленный) [т.1 (п.ч.), 221] и *маҷнунтинат* (безумно влюбленный) [т.1 (п.ч.), 304].

1.2. Антонимия сложных слов. Композиты *вафодушман – вафодӯст* (преданный враг – преданный друг); *мурувватдушман – мурувватошно* (великодушный враг – великодушный друг) и др. Материалы исследования свидетельствуют о том, что:

1. Антонимия композитов проявляется в результате замены первого компонента. Например, *саҳвкор* (работающий с ошибками, опрометчивый) [т.3, 676] – *сеҳркор* (совершающий чудеса, чудотворец) [т.3, 296] и др.

2. Композиты становятся антонимами в результате замены второго компонента. К примеру, *вафодушман* [т.3, 680] – *вафодӯст* [т.3, 577] и др.

1.3. Классификация композитов по степени употребления. По степени употребления сложные слова можно подразделить на следующие подгруппы: 1) распространенные композиты; 2) композиты, вышедшие из употребления или архаичные. Этот тип композитов также можно разделить на два вида: а) композиты в которых первый компонент является архаизмом, б) композиты со вторым архаичным компонентом. Поскольку исследуемая модель композитов «**арабское слово + таджикское слово»,** наблюдения показывают, что во многих композитах является архаичным первый компонент, то есть арабское слово, например *вадиатхона* (залоговый дом), *васотатнома* (письмо посредника) и др.

2. Модель «имя существительное + имя прилагательное». Данная модель, в отличие от указанной выше, не является продуктивной. Так, в поэзии Бедиля выявлено более 20 композитов, созданных по этой модели. Изучение особенностей способов образования композитов показывает, что сложные слова этого подвида образуются двумя способами:

1. По закону аналогии (сравнение, подражание). Например, *амалобод* (мир), *таҳайюробод* (процветающий от удивления), *таҷаллиобод* (процветающий от блеска), *касратобод* (процветающий от обилия) и др.

2. В результате преобразования в сложные слова словосочетаний по типу связи «управление»: *ҷафофарсуда, ҳаваскашна* (жаждущий влечения) и др. Исходные единицы для данных композитов можно разделить на две группы:

2.1. Неизафетные словосочетания по типу связи «управление» (*аз ҷафо* (*алам, амал, нафас*) *фарсуда* (изнуренный горем); *ноёб аз ҷавф* (камень без трещины) и др.:

Сабри ҷонкоҳ ***ваҳшатафзун*** *буд,*
Тоқати интизор Маҷнун буд. [т.3, 295]
Мучительное терпение увеличивало страх,
Выдержкой ожидания был Меджнун.

2.2. Изафетные словосочетания *(ованои ватан (хаёл, ҳавас)* (заботящийся о родине); *ташнаи ҳавас* (жаждущий влечения) считаются исходными единицами для композитов *хаёловора, ҳавасовора, ҳаваскашна*:

Дил ***ҳаваскашна*** *аст, в-арна сипеҳр*
Косаи заҳри морро монад. [т.1 (п.ч.), 655]
Сердце жаждет влечения, а не то
Небосвод напоминает чашу змеиного яда.

Модель «имя существительное + имя прилагательное» типа «**арабское слово + таджикское слово»** является двуисходной и в основном производит существительные, реже – прилагательные.

3. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола». Данная модель словосложения типа татпуруша особенно продуктивна и является трехисходной. В основном она производит существительные и прилагательные, реже – наречия.[53] Данная модель находит применение при образовании более чем 900 композитов типа татпуруша. Если к этому числу добавить группы композитов типа «**таджикское слово + таджикское слово»** (более 800 композитов), то их общее число составит более 1700 сложных слов.

Исходной единицей для названных композитов являются глагольные словосочетания. В образовании сложных слов значительна роль глаголов *андешидан* (думать), *фурӯхтан* (продавать), *парастидан* (поклоняться), *намудан* (казаться), *оростан* (украшать), *парвардан* (лелеять), *ҷӯшидан* (кипеть) и др., поскольку указанные глаголы участвуют в формировании от 20 до 46 композитов, например *гафлатандеш* (невежественный), *маъниандеш* (думающий о значении), *муҳоландеш* (питающий тщетные надежды), *хаёландеш* (воображаемый) и др.

Анализ исследуемого материала свидетельствует, что композиты этой модели находятся в различных структурно-семантических отношениях. Эти отношения можно классифицировать следующим образом.

3.1. Вариативность композитов. Некоторые композиты встречаются в различных вариантах: *анбарафшон / анбарфишон* (душистый); *ширатафрӯз / ширатфурӯз* (жаждущий наслаждений); *саҷдаандеш / суҷудандеш* (думающий о поклонении) и др. Вариативность композитов возникает в результате: а) употребления различных вариантов глагольного компонента (*афшон – фишон; афрӯз – фурӯз*): *анбарафшон* [т.1 (п.ч.), 103], *анбарфишон* [т.1 (п.ч.), 324]; б) замены первого компонента: *саҷдаандеш* [т.3, 408] / *суҷудандеш* [т.2, 161].

3.2. Синонимия композитов. Композиты данной модели находятся также в синонимичных отношениях, к примеру *адабзо – адабофарин – адабсоз* (благовоспитанный, имеющий учтивое поведение) и др.:

Ҳаё бехуди чашми шаҳлои ӯ,
Ҷунун доги вазъи ***адабзо****и ӯ*. [т.3, 706]
Стыдливость без ума от её блестящих глаз,
Безумство испытывает скорбь от его учтивого поведения.

***

Самоъаш ***адабофарин*** *асту бас,*
Навоҳои таслим ин асту бас. [т.3, 759]
Звучание творит только вежливость,
Эти мелодии – мелодии смирения, и больше ничего.

Некоторые композиты Бедиля, сохранив глагольный компонент, образуют синонимичные пары, измененяя именной компонент: *маҳфилоро – маҷлисоро* и др.:

Маҷлисоро*и орзуи тараб*
Маҳаки коми дил гирифт зи шаб. [т.3, 364]
Украшение меджлиса чаяния – ликование –
Сняло пробу желания сердца в ночи.

***

Чунин буданд умре он ду дилсӯз,
Чу муму шуъла бо ҳам ***маҷлисафрӯз***. [т.3, 490]
Такими были всю жизнь эти двое влюбленных,
Как воск и пламя, вместе озаряли собрание.

3.3. Антонимия композитов. Некоторые композиты вступают в антонимичные отношения: *айбнамо – айбпӯш* (показывающий пороки – скрывающий пороки); *мавқеъшинос – мавқеъношинос* (знающий место – не знающий места)*; ҳақшинос – ҳақношинос* (знающий цену – неблагодарный) и др. Композиты приобретают

[53] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.125; Рустамов Ш. Исм. – Душанбе: Дониш, 1981. – С.157.

противоположное значение в результате: а) замены глагольного компонента; б) замены именного компонента и в) посредством присоединения отрицательного суффикса:

***Ҳақшинос**и гафлат ҳам занги дил намехоҳад,*
Оина ҷило додан шукри худнамоиҳост. [т.1 (п.ч.), 372]
Знающий цену невежеству также не желает ржавчины сердца,
Полирование зеркала есть благодарность за красование (самопоказ).

***

*Ки эй **ҳақношинос**и хунгирифта,*
Ками худро зи ҷаҳл афзун гирифта. [т.3, 452]
Эй, неблагодарный, налитый кровью,
Малое свое по невежеству принимающий за большое.

3.4. Классификация композитов по степени использования компонентов. Устаревшие композиты поэзии Бедиля по степени малоупотребительности компонентов можно разделить на две группы: 1) композиты с первым архаичным компонентом. Например, это слова типа *алаташзан* (кричащий от жажды), *асмокушо* (знаток значения имен), *вараъсӯз* (сжигающий набожность) и др.:

Ҷигар шуд мичмаре оташбадоман
*Нафас мавҷи саробе **алаташзан***. [т.3, 471]
Печень стала кадильницей, у которой огонь в подоле,
Дыхание – волна миража, кричащая от жажды.

2) композиты, у которых архаичен второй компонент, к примеру, *абҷадниюш*:

Чашмҳо навнигоҳи ҳайрат монд,
*Гӯш **абҷадниюш**и гафлат монд*. [т.3, 77]
Очи открытые застыли в удивлении,
Уши слушали алфавит невежества.

4. Модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола». Продуктивность данной модели ниже по сравнению с указанной выше модели, поэтому по этой модели нами выявлено всего 40 композитов. Модель трехисходна: в основном по ней производятся существительные, иногда – прилагательные и наречия.[54]

Из сорока композитов данной модели только пять сложных слов – *арақолуд* (потный), *гаразолуд* (пристрастный), *гампарвард* (лелеемый печалью), *губолуд* (пыльный) и *туҳматолуд* (оклеветанный) встречаются в толковых словарях[55]. Остальные 35 композитов, такие как *адабпарвард* (благовоспитанный), *аҷзфарсуд* (страдающий от слабости) и др., не нашли толкования и, по всей вероятности, являются плодом творчества самого Бедиля.

Композиты данной модели образуются преимущественно на основе глагольных словосочетаний. Анализ композитов этой модели подтверждает активность следующих глаголов в образовании композитов:

1) глагол *парвардан* участвует в образовании 13 композитов: *алампарвард* (горестный), *асарпарвард* (воспитанный действием), *ганопарвард* (богатый) и др.;

2) глагол *олудан* – в образовании 13 композитов: *арақолуд* (покрытый потом), *ваҳшатолуд* (объятый страхом), *гаразолуд* (объятый корыстью) и др.;

3) глагол *андудан* участвует в образовании 10-ти композитов: *асарандуд* (восприимчивый), *гайратандуд* (усердный), *гамандуд* (печальный) и др.;

4) глагол *фарсудан* – в образовании 6-ти новых лексических единиц: *аҷзфарсуд* (изнуренный слабостью), *гамфарсуд* (опечаленный), *губорфарсуд* (страдающий от пыли), *саҷдафарсуд* (поклоняющийся), *ҳавасфарсуд* (усталый от влечений) и др.

4.1. Синонимия сложных слов. Сложные слова *ваҳшатандуд* – с *ваҳшатолуд*, *кулфатандуд* – с *кулфатолуд*, *нафаспарвард* – с *руҳпарвард*, *яъсолуд* – с *яъспарвард* (упавший духом) вступают в синонимичные отношения. В данных композитах синонимия обусловлена заменой глагольного компонента.

[54] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.122.
[55] Деххудо. Т.1. – С.812; Т.2. – С.1979; 2048; 2065; 2042; ФЗТ. Т.1. – С.646; Т.2. – С.656; 383.

4.2. Классификация композитов по степени использования компонентов. Часть сложных слов с течением времени становится архаичной. Их можно разделить на две группы: 1) композиты, в которых оба компонента являются архаичными, например *инфиоландуд* [т.1 (п.ч.), 506]*;* 2) композиты, в которых второй компонент представлен архаизмом: *гамандуд* (печальный), *саҷдаандуд* (поклонившийся) и др.

5. Модель «имя существительное + причастие» относится к наиболее употребительным моделям словосложения. Свидетельством этому в исследуемом материале являются более 90 композитов. Данная модель двуисходна: в основном производит прилагательные и существительные. Наиболее употребительными являются *ситамзада* (испытывающий унижение), *ҳайратзада* (удивленный), *ҷунунзада* (безумный) и др. В следующем бейте композит *ситамдида* употреблен в значении «многострадальный, испытывающий притеснение» [56]:

*Ба чашми кам мангар Бедили **ситамзада**ро,*
Ки обрӯи муҳаббат ба дидаи нами ӯст. [т.1 (п.ч.), 337]
Не смотри с пренебрежением на угнетенного Бедиля,
Ибо авторитет любви заключается в его влажных глазах.

Синонимичная пара названного композита – *ситамдида* – также находит употребление в поэзии Бедиля:

*Дили **ситамдида** умрҳо шуд, надорад аз сӯхтан раҳоӣ,*
Ба лаҕзиши ашк кош худро чу шамъ аз ин анҷуман барорад. [т.1 (п.ч.), 687]
Сердце, угнетенное всю жизнь, не может спастись от горения,
О, если был проливанием слез, как свеча, вывел себя из этого собрания.

В образовании композитов активное участие принимают следующие причастия:

- *зада* участвует в создании 13-ти композитов: *ваҳшатзада* (охваченный страхом), *ғамзада* (опечаленный), *ғоратзада* (ограбленный) и др.;
- *парварда* – в образовании 7 композитов: *адампарварда* (человек, сотворенный из небытия)*, арақпарварда* (стыдливый), *ганопарварда* (богатый) и др.;
- *дида* / *надида* – в образовании 6 композитов: *гамдида, ситамдида, ваҳшатдида, муҳаббатдида, офоқдида* и др.

5.1. Классификация композитов по степени употребления компонентов. В зависимости от того, какой из компонентов является архаизмом, архаичные сложные слова подразделяются на две подгруппы: а) с первым архаичным компонентом: *нафхгирифта* (гордый) [т.2, 457] б) с двумя архаичными компонентами: *таҷаррудохта* (достигший совершенства в уединении) [т.3, 359].

6. Модель «имя прилагательное + имя существительное» относится к распространенным моделям словосложения типа татпуруша. По этой модели произведено 14 композитов: *гарибоҳанг* (чужеземец), *ифлосанҷом* (нищий), *латифпарда* (утонченный), *ноқисоина* (несовершенный) и др.:

Ҷисм ранги зуҳуркардаи ӯ,
*Ҷон бухори **латифпарда**и ӯ*. [т.3, 70]
Тело – его проявленный цвет,
Душа – испарение его тонкой оболочки.

7. Модель «имя прилагательное + имя прилагательное». Данная модель характеризуется малоупотребительностью[57]. По этой модели нами был зафиксирован всего один композит – *харобобод*, который в составе словосочетания *харобободи имкон* приобретает значение *«вселенная, мир»*:

*Дар **харобободи имкон** гарде аз маъмура нест,*
Навҳа кун бар дил, ки ин вайрона ҳам вайрона нест. [т.1 (п.ч.), 220]
В благоустройстве разрушения нет ни пяди возделанной земли,
Плачь над сердцем, ибо даже эта развалина не есть развалина.

Данная модель одноисходна – производит только имена существительные.

[56] Деххудо. Т.2. – С.1654.
[57] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.140.

8. Модель «имя прилагательное + основа глагола настоящего времени». В поэзии Бедиля по этой модели образовано более 20 композитов типа татпуруша. Эта модель считается одноисходной и образует только имена прилагательные,[58] однако изучение поэтических сочинений поэта показывает, что данная модель лексических единиц субстантивируется и выступает в роли существительного:

Ба табъи санг фусурдан шарор мебандад,
Ҳавои олами осудагӣ ***ҷунунхез*** *аст*. [т.1 (п.ч.), 306]
Застывшая природа камня содержит искру,
Желание мирной жизни содержит безумие.

9. Модель «местоимение + основа глагола настоящего времени» считается малопродуктивной,[59] и по этой модели обнаружен только один композит – *ҷумлабин* (всевидящий) [т.3, 393]. Данная модель считается одноисходной и производит прилагательные.

10. Модель «наречие + основа глагола настоящего времени» используется в образовании татпуруша типа кармадхарая.[60] Данная модель непродуктивна и образовала только один композит – *баидандеш* (предусмотрительный, дальновидный).

Таким образом, композиты типа «**арабское слово + таджикское слово»** являются распространенной формой сложения сложных слов. Эта группа композитов образована по типу управления, и второй компонент главенствует над первым. В композитах, образованных посредством выпадения изафета, главным является первый компонент.

3.1.2. Татпуруша типа «индийское слово + таджикское слово». Взаимодействие таджикского языка с хинди продолжалось столетиями. Ряд индийских заимствованных слов принимает участие в создании новых композитов. Несмотря на малочисленность этой группы сложных слов, их можно подразделить на две группы: 1) композиты типа **«индийское слово + таджикское слово»**; 2) композиты типа «**таджикское слово + индийское слово»**. На основе первой модели образовано большое количество сложных слов, а вторая модель является малопродуктивной.

По первой модели в нашем распоряжении имеются 11 сложных слов, в которых главным членом является таджикское слово, а индийские слова, в том числе *бира* (индийское растение), *нил* (индигонос), *пон* (индийское растение), *шакар* (сахар), *шатранҷ* (шахматы – арабизированная форма индийского слово *шатранг*) находятся в подчинении. Например, *шакарзо* (плантация сахарного тростника, пер. «губы возлюбленной»), *шакаррез* (сладкозвучный), *шакарханд* (ласковая улыбка), *шатранҷбоз* (играющий в шахматы), *комдегӯ* (говорящий о Комде), *комдеоҳанг* (думающий о Комде). *шостарогоҳ* (знаток древнеиндийской книги) и *понхӯрда* (употребивший растение пон) и др.

3.1.3. Татпуруша типа «греческое слово + таджикское слово». Ряд греческих лексем: *қафас* (клетка), *кимиё* (химия), *номус* (честь), *сандал* (сандаловое дерево, почетное кресло), *зумуррад* (изумруд), *калид* (ключ) и др., также принимает участие в образовании композитов типа татпуруша, к примеру *зумурраднигин* (кольцо из изумруда), *қафасбез* (освободившийся из клетки), *қафасбардор* (поднимающий клетку), *қафаспарвар* (воспитанный в клетке), *кимиёсоз* (химик), *номускаш* (порядочный), *қафасфарсуд* (истощенный), *қафасфарсуда* (истощенный) и др.

Анализ поэтических текстов Бедиля показывает, что по модели «греческое слово + таджикское слово» производятся существительные и прилагательные.

3.1.4. Татпуруша типа «тюркское слово + таджикское слово». Таджикский язык более тысячи лет взаимодействует с тюркскими языками, и за этот период множество лексических единиц взаимопроникает в лексический состав этих языков. В поэтических образах Бедиля нами обнаружены два композита, структурный состав которых образован по модели «**тюркское слово + таджикское слово»**, это *сурогфурӯш* и

[58] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.142.
[59] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.142.
[60] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.164.

сурогандеша. Слово *сурог* (осведомленность, след) в «Персидском словаре» Муина приводится в двух значениях, без указания его происхождения.[61] Так как Муин обычно приводит этимологическое указание, что слово заимствовано, то можно предположить, что он считает слово *сурог* исконно персидским (таджикским).

По поводу малочисленности тюркских слов в поэзии поэтов индийского стиля, в особенности об их малопродуктивности в образовании композитов, известный иранский ученый С.Шамисо справедливо отмечает: «В результате проникновения поэтического слова из Ирана в Индию поэзия осталась за пределами влияния тюркского языка, в то время как проза этого периода наполнена тюркскими словами».[62]

3.1.5. Татпуруша типа «таджикское слово + арабское слово». Композиты этой модели (более 150 композитов) по морфологическим признакам можно разделить на следующие группы:

1. Модель «имя существительное + имя существительное» считается наиболее продуктивной моделью этой группы, на основе которой образовано более 100 (112) композитов. Ряд композитов этой модели: *сарманзил* (основное место), *сармашқ* (пример, образец) и *сарҳисоб* (осведомленный; отсчёт), образованных от именных словосочетаний посредством выпадения изафета, характеризуется общеупотребительностью. Другие композиты этой модели: *баҳонамуштоқ* (жаждущий предлога), *бӯсамуштоқ* (жаждущий поцелуя), *озормуштоқ* (жаждущий боли) и др., в известных нам словарях не зафиксированы. Анализ собранного материала показывает, что: 1) некоторые композиты этой модели, в отличие от исходной единицы, характеризуются благозвучностью*:*

Гул ба дасту по кӣ баст имшаб, ки чун барги ҳино,
Бӯсамуштоқ*он чаманҳо зери лаб хун кардаанд*. [т.1 (п.ч.), 721]
Кто сегодня ночью привязал к рукам и ногам цветы, как листья хны,
Жаждущие поцелуев кровью своих губ окропили цветник.

2) Некоторые композиты этой модели образованы лексико-синтаксическим методом, к примеру *забонишамъ* (язык как свеча):

Дӯш парвонае ***забонишамъ***
Дошт пайғоми ибрате, к-эй ҷамъ… [т.3, 128]
Вчера мотылёк, обладающий приятной речью,
Изрёк назидательную весть: «О собравшиеся…».

3) Абульмаони использует в образовании композитов также производные существительные: *вожгунисабақ* (бесперспективный), *содагиварақ* (простой), *талхшизҳор* (стенающий), *хомӯшиманзил* (избравший молчание) и др.:

Бедил, аз баҳси ***вожгунисабақат***
Зангат зи сафо дамиду қир аз арақат. [т.2, 278]
Бедиль, в результате бесперспективных диспутов
У чистоты появилась ржавчина, у пота – чернота.

1.1. Классификация композитов с точки зрения степени их использования. В данной модели чаще всего является архаичным второй компонент сложного слова (арабского): *габршиям* (с характером огнепоклонника), *зиндагираҳн* (имеющий жизнь в залоге), *хандамақрун (соседствующий со смехом)* и др.:

Ҳафт сол он ҷуҳуди ***габршиям***
Шир медоду чизи дигар ҳам. [т.3, 386]
Семь лет тот еврей с характером огнепоклонника
Давал молоко и еще много чего.

2. Модель «имя существительное + имя прилагательное» относится к непродуктивным моделям сложения группы композитов «**таджикское слово + арабское слово».** Из слов этой группы нами был обнаружен только один композит – *занҷалаб* [т.2, 632-633]. Данная модель двуисходна: производит существительные и прилагательные.

[61] Муин. Т.2. – С.1851.
[62] Шамисо С. Сайри ғазал дар шеъри форсӣ (аз оғоз то имрӯз). – Техрон: Фирдавс, 1375. – С.189.

3. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола». В группе композитов **«таджикское слово + арабское слово»** эта модель считается малопродуктивной, поскольку по ней обнаружено всего 10 сложных слов: *дармонталаб* (просящий исцеления), *зеварталаб* (жаждущий украшения), *шишаталаб* (просящий сосуд с вином), *нонталаб* (алчущий хлеба) и др. В их образовании принимают активное участие глаголы *талабидан* (образовал восемь композитов), *фаҳмидан* (образовал два сложных слова).

4. Модель «имя прилагательное + имя существительное». По сравнению с указанной выше моделью она является продуктивной, поскольку образовала более двадцати новых композитов: *гармтаъсир* (активный), *куҳнадайр* (старый монастырь), *сияҳварақ* (черная бумага), *ноумедшуур* (отчаявшийся) и др.

В этой связи следует отметить, что большинство композитов этой модели в толковых словарях не встречается, однако находится в обращении в говорах таджикского языка (хотя и в другом значении). Например, поэт употребляет композит *куҳнабисот* в значении «вселенная, мир»:

Сомони камоли мо дар ин ***куҳнабисот***
Гардест чу субҳ поймоли нафасе. [т.2, 580]
Богатство нашего совершенства в этом старом мире –
Пыль, которая исчезнет, как утро, от дыхания.

5. Модель «основа глагола прошедшего времени + имя существительное». Эта модель принадлежит к непродуктивной группе моделей, поскольку согласно ей нами были обнаружены всего шесть композитов: *ҷустсабақ* (ищущий поучения), *шикастосор* (разбитый), *шикастэътибор* (потерявший авторитет) и др. Данная модель одноисходна: производит прилагательные.

6. Модель «наречие + имя существительное» считается непродуктивной моделью группы композитов типа **«таджикское слово + арабское слово»,** поскольку по ней нами обнаружен только один композит – *зермашқ* (начало) [т.3, 649]. Данная модель является одноисходной и производит только существительные.

Таким образом, ряд композитов типа татпуруша образован посредством соединения таджикского слова с арабским словом, результатом чего является образование более ста сложных слов. Продуктивной моделью, несомненно, является **«имя существительное + имя существительное»**. Названная модель активна в производстве прилагательных и существительных.

3.1.6. Татпуруша типа «таджикское слово + индийское слово». По этой модели в поэзии Бедиля зафиксирован только один композит – *найшакар* (сахарный тростник) [т.1 (п.ч.), 771].

3.1.7. Татпуруша типа «таджикское слово + греческое слово». В поэзии Бедиля обнаружены всего три композита: *дарвозакалид* (ключи от ворот) [т.2, 588], *тиҳиқолаб* (пустая форма) и *куҳандафтар* (мир) [т.3, 203].

Таким образом, в этой группе татпуруша Абульмаони использовал как таджикские слова, так и заимствованные. Материалы исследования убеждают в том, что в образовании композитов значительна роль таджикских слов, поскольку, подчинив себе большое количество зависимых слов, они способствуют образованию композитов.

3.2. Татпуруша с двумя заимствованными компонентами.

3.2.1. Татпуруша типа «арабское слово + арабское слово». В поэзии Бедиля обнаружено более 300 композитов, образованных от двух арабских слов: *абадинтизор* (ожидающий бессмертия), *адаммуштоқ* (жаждущий небытия) и др. Композиты этой модели по принадлежности их компонентов к лексико-грамматическим группам можно раздедить на две подгруппы:

1. Модель «имя существительное + имя существительное» является наиболее продуктивной (292 композитов) в образовании сложных слов типа «**арабское слово + арабское слово»**. Арабская лексема *муштоқ,* подчинив основы *арақ* (пот), *ватан* (родина), *ғано* (богатство), *ифшо* (разоблачение), *саҷда* (поклон), *фано* (тленность), *ҳавас*

(желание), *ҷилва* (блеск), создает сложные слова *арақмуштоқ* (жаждущий стыдливости), *ватанмуштоқ* (жаждущий родины), *ганомуштоқ* (жаждущий богатства), *саҷдамуштоқ* (думающий о поклонении) и др.:

Саркашам, аммо ҷабини ***саҷдамуштоқа****м чу шамъ,*
Аз нами ашки чакидан моиле оростанд. [т.1 (п.ч.), 621]
В каждом моем молчании скрыт голос,
(В нем) есть полёт и неисчислимые устремления ввысь.

Арабская лексема *моил* также принимает активное участие в образовании композитов, к примеру *нумумоил* (стремящийся к произрастанию):

Донае то шавад ***нумумоил****,*
Сар бурун мекашад зи сад ман гил. [т.3, 252]
Зерно, чтобы достичь произрастания,
Всходит из сотни пудов глины.

Большая группа композитов типа татпуруша образована на основе выпадения изафета. Основой для сложения данных композитов является арабское слово *соҳиб* (владелец, обладающий). К примеру, *соҳибдимоғ* (проницательный), *соҳибкарам* (великодушный), *соҳибмаънӣ* (многозначительный), *соҳибравнақ* (развитый) и др.

2 Модель «имя прилагательное + имя существительное». По этой модели выявлено 12 композитов: *мураббаъасар* (производящий впечатление; впечатляющий), *дақиқфан* (точный предмет), *мустақилҳол* (самостоятельный):

Каломе, ки аз табъи ӯ кард гул,
Мараббаъасар *буд аз чор «қул»*. [т.3, 711]
Действенность слов, истекающих из его природы,
Происходила из четырёх «кул*».

Данная модель является двуисходной и производит существительные и прилагательные. Грузинский исследователь Т.А.Чавчавадзе считает эту модель трехисходной и подчеркивает, что посредством изучаемой модели создаются и наречия,[63] что нам не удалось обнаружить.

2.1. Классификация композитов по степени использования компонентов. В зависимости от того, какой из компонентов является архаичным, названные композиты можно разделить на две группы: 1) сложные слова, первый компонент которых является архаичным: *калафасар* (запятнанный), *гароматсила* (раскаивающийся) и др.; 2) композиты, второй компонент которых является архаичным: *адамсаббоҳ* (исчезнувший в плавании), *ваҳмтасвид* (мрачный мир).

3.2.2. Татпуруша типа «греческое слово + арабское слово». В двух случаях арабские слова, подчинив греческие, способствуют созданию нового композита. Например, *кимиёталаб* (просящий химии) [т.3, 338].

3.2.3. Татпуруша типа «тюркское слово + арабское слово». В одном случае тюркское слово *сурог*, вступив в семантические отношения с арабским словом *вуҷуб* (обязательный), создает композит *суроғвуҷуб* (думающий об обязательном предписании) [т.3, 45]. Результатом словопроизводства по этой модели является существительное.

3.2.4. Татпуруша типа «арабское слово + тюркское слово». В поэзии Бедиля встречаются композиты *тасаллисурог* (искать успокоения)*, тарабаёг* (думающий о веселья), созданные посредством соединения арабского и тюркского слова.

Таким образом, в образовании композитов Бедиль широко использует заимствованные слова из арабского, хинди, греческого, тюркских языков. Поскольку таджикский язык по большей части заимствовал слова из арабского языка, арабские заимствования использованы в образовании композитов в большей мере.

Сложные слова данной группы разделены на две группы:1) композиты с одним заимствованным и одним исконным компонентом; 2) сложные слова с двумя

[63] Чавчавадзе Т.А. Указ. соч. – С.137.

*кул – намек на четыре суры Корана, начинающиеся словом «қул» - «скажи»

заимствованными частями. Изучение собранного материала показывает, что первая группа составляет наибольшее количество новых лексических единиц. Так, на основе первой модели были образованы 1600 композитов, в то время как по модели второй группы – всего 309 сложных слов. В более чем 1600 лексических единицах первой группы, образованных посредством соединения исконного слова и заимствованного, в 1434 композитах главным членом является таджикская лексема.

Анализ языка поэзии Бедиля свидетельствует о том, что большая часть проанализированных композитов принадлежит перу Абульмаони.

Статистический анализ композитов типа **«таджикское слово + заимстованное слово»** приведен в таблице 2. **Таблица 2**

№	**заимствованное слово + таджикское слово**	**продукт**	**таджикское слово + заимствованное слово**	**продукт**	**заимствованное слово + заимствованное слово**	**продукт**
1	арабское + таджикское	1434	таджикское + арабское	153	арабское + арабское	304
2	индийское + таджикское	11	таджикское + индийское	1	греческое + арабское	2
3	греческое + таджикское	13	таджикское + греческое	3	тюркское + арабское	1
4	тюркское + таджикское	1			арабское + тюркское	2
	Итог:	**1459**		**157**		**309**

Четвертая глава диссертации названа **«Специфический стиль Бедиля в образовании композитов»** и состоит из трех разделов. **Первый раздел – «Собственно татпуруша в поэзии Бедиля» –** состоит из трех подразделов, в которых рассматриваются композиты, образованные посредством инфинитива и именных частей речи. Материалы исследования позволяют классифицировать композиты по моделям образования на следующие группы:

4.1.1. Татпуруша типа «таджикское слово + таджикское слово». Эта группа композитов составляет более 40 языковых единиц. Сложные слова этой группы с точки зрения принадлежности компонентов к лексико-грамматическим группам можно разделить на следующие подгруппы:

1. Модель «имя существительное + инфинитив». По этой модели выявлено 18 лексических единиц. Анализ показывает, что:

1.1. Ряд композитов образован согласно этой модели без участия других элементов: *доманафшурдан, иқболфузудан, гунчахуспидан* и др.:

Баҳор омад, аз шавқ гул чидан аст,
*На ҳангомаи **гунчахуспидан** аст*. [т.3, 663]
Пришла весна – пора воодушевленного сбора цветов,
Это не время для спячки в бутоне.

1.2. В другой группе сложных слов для образования композитов от составных именных инфинитивов привлекается суффикс *-ҳо*: *гумшуданҳо* (потеряться) и др.:

Саропо маҳв шав, то ҷумла огоҳӣ шавӣ, Бедил,
*Ба қадри **гумшуданҳо** ҳар ки ин ҷо раҳнамо дорад*. [т.1 (п.ч.), 524]
Нужно полностью уничтожиться, чтобы стать полностью
осведомлённым,
Бедиль, здесь каждый имеет путеводитель на уровне потерянности.

2. Модель «инфинитив + имя существительное» относится к наиболее употребительным моделям типа татпуруша. Например, *тапиданбаҳор* (трепетание весны), *тапиданнаво* (мотив трепетания), *фусурданкеш* (увядший) и др.:

Маям чу накҳати гул ҷавҳари ҳаво гардид,
*Ҳанӯзам шишаи рангам **шикастаногоз** аст*. [т.1 (п.ч.), 286]

Моё вино, как аромат цветка, стало сутью воздуха,
Сосуд моего цвета только что открыли.

3. Модель «имя прилагательное + инфинитив». По этой модели сложения слов выявлены два композита: *баландчиданҳо* (заноситься), *хушквомондан* (умолкнуть):

Ба ҳар ***хушквомондан*** *сози ман*
Бинозад ба сад абр парвози ман. [т.3, 801]
На каждое умолчание моего инструмента
Мой полет будет краше, чем полет облака.

4. Модель «инфинитив + основа настоящего времени глагола». Обнаружено пять композитов: *болиданандеш* (ликующий), *сӯхтансоз* (горюющий) и др.:

Чу гардад бӯи гул ***болиданандеш****,*
Шавад пироҳани пироҳани хеш. [т.3, 429]
Как только аромат цветка будет усиливаться,
Он станет сорочкой своей сорочки (имеются в виду лепестки розы).

5. **Модель «местоимение + инфинитив»** по сравнению со всеми указанными выше моделями является менее продуктивной, и в поэзии Бедиля по этой модели обнаружен только один композит: *ҳечбуданҳо* (никем бытье):

Суроғи ҷайби саломат наметавон дарёфт,
Магар зи кисвати беранги ***ҳечбуданҳо****.* [т.1 (п.ч.), 57]
Невозможно разыскать карман здоровья,
Кроме как в бесцветной одежде ничем бытья (никем бытья).

4.1.2. Татпуруша типа «арабское слово + таджикское слово». Выявлены пять композитов, составными компонентами которых являются арабское слово и таджикская лексическая единица: *варақгардондан* (перелистывание) и др.

1. Модель «инфинитив + имя существительное». По этой модели найдено сложное слово *иқболфузудан*:

Ба хаёлот маболид, ки чун партави шамъ,
Костан тавъами ***иқболфузудан*** *будааст*. [т.1 (п.ч.), 403]
Не гордитесь воображением, ибо, как сияние свечи,
Уменьшение (угасание) равно увеличению успеха.

По модели собственно татпуруша, образованного при участии инфинитива, производятся в основном существительные и прилагательные.

4.1.3. Татпуруша типа «таджикское слово + арабское слово». В этом виде композитов употребляются инфинитивы *тапидан* (трепетать), *фусурдан* (увядать), *мурдан* (умереть), *шукуфтан* (расцветать) и арабские слова в качестве второго компонента: *ҳавас* (желание), *бисмил* (зарезанный), *моил* (склоняющийся) и др.:

Зи машқи хаёли ***тапиданҳавас***
Ба роҳат хате мекашам чун нафас. [т.3, 765]
От упражнения воображения, склонного к трепетанию,
Начерчу на твоей дороге линию, как вздох.

1. Модель «инфинитив + имя существительное», например, *давиданимо* (подающий знак для бега), *рамиданмоил* (склонный к испугу) и др.:

Агар обем, агар оташ, агар санг,
Рамиданмоил*ему ваҳшатоҳанг*. [т.3, 543]
Если мы – вода, если мы – огонь, если мы – камень,
Мы склонны к испугу, склонны к дикости.

В связи с этим видом композитов представляют интерес два обстоятельства: во-первых, примеры композитов свидетельствуют о том, что некоторые из них находятся в антонимичных отношениях, например *шукуфтанҳавас* и *мурданҳавас*. Во-вторых, некоторые композиты ввиду малоупотребительности одного из компонентов становятся архаичными: *фусурданиқтизо* [т.2, 534] и др.

Второй раздел назван «Многокомпонентные композиты поэзии Бедиля». Материалы исследования позволяют разделить названные композиты из поэзии Абульмаони на

следующие группы: 1) трехкомпонентные композиты; 2) четырехкомпонентные композиты; 3) пятикомпонентные композиты.

4.2.1. Трехкомпонентные сложные слова в поэзии Бедиля образованы следующими способами:

1. Посредством приложения основ, одна из которых является простой (первый компонент), а другая сложной (второй компонент): *арақгулбарг* (пот стыда), *арақсарчашма* (источник стыдливости), *ҳаёсарнавишт* (стыдливый) и др.:

То ***арақгулбарги*** *ҳуснат як-ду шабнам об дод,*
Хонаи хуршед рахти ноз бар селоб дод. [т.1 (п.ч.), 518]
Когда одна-две капли пота упали на твоё нежное лицо,
Селевой поток унес поклажу неги из дома Солнца.

2. Трехкомпонентные слова, модель образования которых противоположна первой группе, а именно: первый компонент является сложным словом, второй – простым, например *биёбонмаргном* (принудительная смерть), *қадрдонназар* (ценитель), *навбаҳороина* (возлюбленная, красивая) и др.:

Раҳе, к-аз барқи ҳиммат нимгом аст,
Хирад он ҷо ***биёбонмаргном*** *аст*. [т.3, 476]
Дорога, которая считается для молнии усердия полушагом,
Для ума считается смертью в пустыне.

3. Первый компонент является составным, а второй выражен простым словом: *аклушурбмоил* (разум, склонный к еде и питью), *аршукурсином* (охватывающий мир, известный) и др.:

Ҳушҳо ***аклушурбмоил****у бас,*
Хӯру хоб ояти фазоилу бас. [т.3, 260]
Помыслы направлены только на еду и питье,
Здесь достоинством считаются только сон и еда.

4. Первый компонент является словосочетанием, второй – простым словом. С учетом изученного материала эту группу сложных слов в поэзии Бедиля также можно разделить на две подгруппы:

4.1. Трехкомпонентные композиты, первый компонент которых является изафетным словосочетанием: *ақликулрой* (рассуждающий о высшем разуме), *бӯйигулиқбол* (удачливый), *дардисартаълим* (получивший головную боль) и др.:

К-эй ятимони ***дардидилпайкар***
Дар канори кӣ мебаред ба сар? [т.3, 389]
О сироты, тело которых состоит из сердечной боли,
У кого вы проводите жизнь?

4.2. Трехкомпонентные композиты, первый компонент которых (словосочетание) образован посредством связи типа примыкание: *дуоламҷилва* (блеск двух миров), *садбаҳрасрор* (обладающий большой тайной) и др.:

Ниҳоли бенишонӣ қомат орост,
Гулафшони ***дуоламҷилва*** *бархост*. [т.3, 409]
Поднялся саженец бесследия,
Показался осыпанный цветами блеск двух миров.

5. Трехкомпонентные композиты, первый компонент которых является сложным словом, а второй выражен словесной конструкцией. К примеру, *рангубӯбақафас* (благоухающий цветами):

Чаман аз реша ***рангубӯбақафас***
Баҳрро чашма дастгоҳи нафас. [т.3, 166]
Цветник благоухает цветами благодаря их корням,
Родник является основой бытия моря.

6. Трехкомпонентные композиты, образованные от словосочетаний. Материалы исследования позволяют подразделить их на следующие подгруппы:

6.1 Композиты, образованные от простых словосочетаний, подчиняющим компонентом которых является составной именной глагол: *хонаравшанкун* (озаряющий дом), *ҷодапайдокун* (первооткрыватель) и др.:

Шаби моро чароғи фурсат ку?
***Хонаравшанкун** аст равзанҳо*. [т.1 (п.ч.), 65]
Наши ночи не успеет осветить лампа,
Ибо освещение нашему жилью даёт равзана.

6.2. Композиты, в основу которых заложено сложное словосочетание, а подчиненный компонент состоит из двух компонентов: *кулфатбурунтоз* (стремящийся выйти из затруднения), *таваҳҳумдонарез* (ужасающий) и др.:

*Насимаш аз чаман **кулфатбурунтоз***
Зи дарё мавҷи ӯ хошокпардоз. [т.3, 442]
Его зефир из цветника выводит затруднения,
Его волны очищают от мусора реку.

6.3. Сложные слова, образованные от словосочетаний, подчиненный компонент которых выражен словесной конструкцией: *кибруаҷзнамо* (выражающий надменность и бессилие), *симузарпарвард* (лелеемый золотом и серебром) и др.:

*З-ин ду ҳайъат, ки **кибруаҷзнамо**ст,*
Ранги офоту офият пайдост. [т.3, 304]
Эти два состояния, выражающие надменность и бессилие,
Из них вытекают несчастье и благополучие.

6.4. Сложные слова, образованные от словосочетаний, подчиненный компонент которых – изафетное словосочетание, например *баргигулоро* (украшающий лепестки розы), *бунёдиандешасӯз* (выжигающий корень мысли) и др.:

Баҳор имрӯз бетобитақозост,
*Зи девори чаман **баргигулоро**ст.* [т.3, 423]
Весна сегодня требует нетерпеливости,
Она стены цветника украсила лепестками розы.

6.5. Трехкомпонентные слова, образованные от словосочетаний, подчиненный компонент которых выражен композитом: *ҷустуҷӯсоз* (думающий о поиске), *рангубӯпарвар* (любитель красоты), *зудзудрас* (быстрый) и др.:

*Мақоме ёфт шавқи **ҷустуҷӯсоз**,*
Ки гардаш бо таҳайюр буд гулбоз. [т.3, 545]
Нашёл статус влечения, смешанного с исканием,
Пыль которого вместе с удивлением выращивала цветы.

Таким образом, анализ трехкомпонентных сложных слов показывает, что данные языковые единицы образованы посредством сложения различных основ, а именно: «простое слово + сложное слово» и «конструкция + простое слово», «сложное слово + конструкция» и др.

4.2.2. Четырехкомпонентные композиты. Модель образования и её исходная единица представляют собой различные синтаксические единицы. С этой точки зрения их можно разделить на две группы:

1. Композиты, исходной единицей которых является предложение;
2. Композиты, исходной единицей которых являются сложные словосочетания.

По нашим наблюдениям, только один композит образован от простого предложения – *сарихудгирубигрез*. Исходной единицей для данного слова является простое односоставное предложение «сари худ гиру бигрез» (букв. «Возьми голову в свои руки и беги»). Это слово единожды встречается в месневи «Тилисми ҳайрат» («Талисман изумления»):

Аз он шамшери хуниофиятрез
*Саломатҳо **сарихудгирубигрез**.* [т.3, 443]
От меча, проливающего кровь благополучия,
Здоровье находит спасение в бегстве.

Четырехкомпонентные композиты Бедиля в основном образованы от словосочетаний. Данные композиты с точки зрения сложного словосочетания, участвующего в образовании композита, можно разделить на две группы:

2.1. Композиты, в которых сложное словосочетание образовано посредством соединительной связи и примыкания: *рагигулостиншӯх* (возлюбленная) и др.:

Рагигулостиншӯхе *камини сайди мо дорад,*
Ки зери санг даст аз сояи ранги ҳино дорад. [т.1 (п.ч.), 609]
Озорница намеревается охотиться на нас из засады,
У нее камень в руке, крашенной хной.

2.2. Композиты, в которых простые словосочетания вступают в грамматические отношения только согласно одному типу связи – примыканию, к примеру *дуоламтасаввургудоз* (расплавляющее представление о двух мирах):

Шаробе ***дуоламтасаввургудоз****,*
Адампарвари нашъаи имтиёз. [т.3, 593]
Вино, расплавляющее представление о двух мирах,
Сводящее на нет опьянение преимуществом.

Такого рода лексические единицы наблюдаются преимущественно в месневи поэта, в частности в месневи «Ирфан». Многокомпонентные слова в газелях и других стихотворениях Бедиля встречаются редко.

4.2.3. Пятикомпонентные сложные слова. В отличие от четырехкомпонентных композитов, эта группа сложных слов характеризуется малочисленностью. В поэзии Абульмаони обнаружены следующие пятикомпонентные композиты: *барқдархонумонидилфикан* (молниеметатель в жилище сердца), *шуъладарҷайбиҷустуҷӯфикан* (зажигающий огонь в сердце путника), *сангбарсоғариҷиҳотафкан* (искореняющий мир) и др. Данные композиты встречаются в основном в месневи «Ирфан»:

Аз хадам баргузид фитнафане,
Барқдархонумонидилфикане. [т.3, 317]
Выбрал среди слуг самого ловкого интригана,
Молниеметателя в жилище сердца.

Известный французский ученый Э.Бенвенист в ходе исследования сложных слов именует их микросинтаксис и подчеркивает, что сложные слова всегда состоят из двух компонентов.[64] Анализ многокомпонентных композитов Бедиля показывает, что большинство из них делятся на два компонента, которые могут быть представлены **простым словом + сложным словом; композитом + простым словом; простым словом + словосочетанием**.

О многокомпонентных сложных словах известный таджикский ученый, академик М. Шакури справедливо отмечает: «Сложных многокомпонентных слов в нашем языке множество, и их нужно считать одним из достояний языка. Развитие словосложения, возникновение сложных многокомпонентных слов и их постоянное количественное развитие является одним из высших показателей развития языка, придающих ему могущество. Изучение и приумножение этого могущества является одной из важнейших задач поэтов и писателей».[65]

Третий раздел назван «Роль отдельных лексических единиц в образовании композитов» и состоит из двух подразделов, в которых рассматривается роль таджикских и арабских лексем в образовании композитов.

4.3.1. Таджикские лексемы и их роль в словосложении. В ходе словосложения Бедиль чаще всего использует таджикские лексемы *оина* (зеркало), *обила* (водянистая мозоль), *гавҳар* (жемчуг), *сар* (голова), *нола* (стон), *оташ* (огонь), *дил* (сердце), *хун* (кровь), *гул* (цветок), *нав* (новое) и др.

---

[64] Бенвенист Э. Общая лингвистика. Под редакцией, с вступительной статьей и комментарием Ю.С.Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – С.241; 242.

[65] Шакурӣ М. Ҳар сухан ҷоеву ҳар нукта мақоме дорад. – Душанбе: Ирфон, 2005. – С.120.

1. Лексема «оина» и её роль в словосложении. Абульмаони, развив словообразовательные возможности лексемы *оина* (зеркало), создает 53 деривационных слов. Это количество композитов в поэзии Бедиля можно разделить на два подгрупп: а) производные; б) сложные.

По сравнению с другими производными словами, сложных слов с компонентом *оина* в них в два раза больше. В поэзии Бедиля встречается 43 примера из этой группы слов. Данные лексические единицы по позиции лексемы *оина* можно разделить на две группы.

2.1. Сложные слова, в которых компонент *оина* находится в начале композита. Такого рода слов большое количество, которое включает 31 композит. Из этого числа семь лексических единиц: *оинабин* (видящий стекло), *оинадор* (зеркальный), *оинапардоз* (отделанный зеркалом), *оинасоз* (изготавливающий зеркало), *оинахона* (зеркальная комната) функционируют в таджикском языке и отмечены в словарях, остальные 24 композита, в том числе *оинаболин, оинадушман, оиназо, оинаманзил, оинамиқдор* и др. являются неологизмами Бедиля.

В зависимости от значения, которое приобретает слово *оина* в композите, их можно разделить на две группы:

а) сложные слова, в которых компонент *оина* употребляется в его подлинном значении: *оинадушман* (враг зеркала), *оинахона* (зеркальная комната), *оинаманзил* (зеркальный дом), *оинатаъмир* (зеркальщик):

Гар чунин дорад нигоҳи бетамизон инфиол
Рафта-рафта ҳусн ҳам ***оинадушман*** *мешавад*. [т.1 (п.ч.), 656]
Если взгляды невежественных лиц вызывают такую реакцию,
То постепенно красота станет врагом зеркала.

б) композиты, в которых слово *оина* употребляется в иносказательном значении: *оинабистар* (создающий зеркало), *оинаболин* (зеркальный), *оиназо* (зеркальщик), *оинамиқдор* (в числе зеркал) *оинаҷӯш* (светлый) и др.:

Ёди он ҷилва зи чашмам гиреҳи ашккушост,
Шавқи дидорпарастон чӣ қадар ***оиназо****ст*. [т.1 (п.ч.), 407]
Воспоминание о той грациозной походке в моих глазах
развязывает узел слез,
Влечение желающих лицезрения вызывает образ зеркала.

2.2. Композиты, в которых слово *оина* находится в постпозиции. Эта группа слов насчитывает 11 композитов: *зангоина* (ржавчина на зеркале), *ибратоина* (поучительный; извлекающий урок), *ҳайратоина* (зеркало изумления) и др.:

Дарё ***талотумоина,*** *саҳро губорхез.*
Аз офият чи хушку чи тар даст шустаанд. [т.1 (п.ч.), 602]
Море в волнении, степь покрыта пылью,
Благополучие отсутствует и на суше, и на море.

В целом слово *оина* является ключевым словом в поэзии Бедиля и активно используется им в поэтических сочинениях. Эту лексему словотворец мастерски использует как в подлинном значении, так и в аллегорической форме, что, несомненно, способствует обогащению лексического состав таджикского языка деривационными словами с компонентом *оина*.

2. Лексема «обила» и её роль в словосложении. Лексема *обила* (водянистая мозоль) только в газелях поэта это слово использовано в 480 случаях [см.: т. 1 (б.д.), 1349]. Сложные слова типа татпуруша с компонентом *обила* с точки зрения модели образования различны:

1. Модель «имя существительное + основа глагола настоящего времени». По этой модели образованы композиты *обилазо* (покрытый оспинами; мозолями), *обилапӯш* (покрытый мозолями) и др.:

Як саҷда напаймуд талаб бе арақи шарм,
Пешонии мо ***обиладор*** *аст, бубинед*. [т.1 (п.ч.), 684]
Ни одно поклонение желанию не совершил без пота стыда,
Посмотрите, у нас на лбу мозоли.

2. Модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола». Эта модель характеризуется малопродуктивностью, поскольку в поэтических текстах Бедиля обнаружен только один композит этой модели – *обилабаст* (величиной с мозоль), используемый в значении «количество»:

Фоли ҷавлон чӣ занам қатраи гавҳар шудаам,
*Он қадар ҷаҳд, ки як **обилабаст**ам доданд*. [т.1 (п.ч.), 560]
Зачем мне говорить о походке, когда стал жемчугом,
В соответствии с моим усердием дали мне мозоль.

Сличение названных композитов с авторитетными словарями, в том числе с «Лугат-наме» Дехҳудо, «Персидским словарем» Муина, убеждает, что большинство слов с компонентом *обила* являются изобретением Бедиля. Об этом свидетельствует и факт, что в толковых словарях для комментирования указанных сложных слов в качестве иллюстрации приводятся бейты из поэзии Абульмаони.

3. Слово «оташ» и её роль в словосложении. Данные композиты по модели словообразования можно разделить на следующие группы:

1. **Модель «имя существительное + имя существительное».** По этой модели образованы композиты *оташнаво* (пламенная мелодия), *оташнасиб* (пламенный), *оташнафас* (огненное дыхание), которые в большинстве случаев проявляют полисемантичность. Так, отмеченный композит употреблён в значении «горячее сердце» в следующих бейтах:

*Дили гарми ман **оташхона**и кист?*
Нигоҳи ҳасратам парвонаи кист? [т.1 (п.ч.), 292]
Чей храм огня мое горячее сердце?
Вокруг кого мотыльком вращается мой печальный взгляд?

2. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола». Данная модель с компонентом *оташ* образует множество композитов, таких как *оташафкан / оташфикан* (огнедышащий), *оташафрӯз / оташфурӯз* (зажигающий) и др. Композит *оташафкан* в приведенном бейте употреблена для описания скромности, стыдливости:

Нафас, то парфишон аст, аз туву ман барнамеояд,
*Касе з-ин хиҷлати дар **оташафкан** барнамеояд*. [т.1 (п.ч.), 729]
Пока дыхание машет крыльями и не выходит из тебя и из меня,
Никто не выходит из стыда, достойного сжигания.

3. Модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола». Данная модель не является продуктивной в образовании композита с лексемой *оташ*, так как образует всего один композит, *оташолуд* [т.1 (п.ч.), 470] в значении «смешанный с огнем».[66]

4. Модель «имя существительное + причастие». По этой модели образованы композиты *оташгирифта* (воспламенный), *оташдида* (увидевший огонь) и др.:

*Мӯйи **оташдида**ро кӯтоҳ мебошад амал,*
Чашми мо умрест бар рӯзи ҷазо афтодааст. [т.1 (п.ч.), 181]
Волос, воспламененный огнем, живет недолго,
Для наших очей вся жизнь – день наказания.

Анализ названных выше композитов показывает, что многие из них вступают в синонимичные отношения, например *оташгирифта, оташдида* и *оташзада.* Слово *оташ* в зависимости от строения сложного слова приобретает более одиннадцати значений. В том числе *оташзода* – рождённый в огне, *оташгирифта* – воспламенный, *оташпараст* – огнепоклонник, элемент мироздания: *оташгир* – кочерга; тот, кто имеет дело с огнём.

4. Лексема «гавҳар» и её роль в словосложении. Слово *гавҳар* (жемчуг), вариантами которого является лексемы *гуҳар* и арабизированная форма – *ҷавҳар,* относится к числу ключевым словам в поэзии Абульмаони. Соотношение вариантов указанной лексической единицы в образовании композитов таково: *гавҳар* – 8; *гуҳар* – 13; *ҷавҳар* –

[66]Дехҳудо. Т.1. – С.936; Муин. Т.1. – С.18.

9 композитов. Композиты, образованные со словом *гуҳар* с точки зрения модели образования можно разделить следующим образом:

1. Модель «имя существительное + имя существительное». По этой модели образованы композиты *гуҳармоя* (драгоценная основа), *ҷавҳарогоҳ* (сведущий в истине), *соҳибҷавҳар* (обладающий сутью) и др. В следующем бейте композит *гуҳармоя* использовано в значении «основа, источник»:

Кафи хокам аз май агар гил шавад,
Гуҳармоя*и як ҷаҳон дил шавад*. [т.3, 646]
Если мой прах замесят с вином,
Он станет основой для целого мира сердец.

2. Модель «имя существительное + имя прилагательное». По этой модели обнаружен только один композит – *гуҳарташна*, означающий человека, находящегося в постоянном поиске истины:

К-эй ***гуҳарташна****, тухми яъс макор,*
Чанд рӯзе тапиш ганимат дор. [т.3, 186]
О, жаждущий жемчуга, не сей семена отчаяния,
Используй биение несколько дней, пока есть возможность.

3. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола». Больше половины композитов, образованных со словом *гуҳар,* созданы по этой модели: *гавҳароро* / *гуҳароро* (украшенный драгоценными камнями), *гуҳарбор* (рассыпающий жемчуг, красноречивый), *гуҳархез* (рассыпающий жемчуг) и др. Композит *гавҳархез* в следующем бейте использован в значении «место, где появляется жемчуг»:

Қадрдони баҳри ***гавҳархез*** *гаввос асту бас,*
Дард медонад, ки дар ҳар қатраи хунам дилест. [1 (п.ч.), 234]
Цену морю, дающему жемчуг, знает только ныряльщик,
Боль знает, что в каждой капле моей крови скрывается сердце.

4. Модель «имя существительное + причастие». По этой модели образованы композиты *гавҳарбаста* (обладающий жемчугом, капля, ставшая жемчугом) и *гавҳаршуда* (превратившийся в жемчуг)**.** В следующем бейте композит *гавҳаршуда* означает каплю, превратившуюся в жемчуг:

Ғарра маншин ба камоле, ки қунад мумтозат,
Бештар қатраи ***гавҳаршуда*** *нанги дарёст*. [1 (п.ч.), 363]
Не возгордись совершенством, отличившим тебя,
Предмет позора моря в большинстве случаев – это капля,
превратившаяся в жемчуг.

5. Модель «имя существительное + наречие» является малопродуктивной моделью словосложения с компонентом *гавҳар*, так как по этой модели обнаружен только один композит – *гуҳарканор* – в значении «плод вдохновения»:

Кӯшиши мо ***гуҳарканор*** *шавад,*
Шояд он чашма ошкор шавад. [3, 195]
Если наше вдохновение даст результат,
Может быть, тот источник обнаружится.

Таким образом, слово *гавҳар* образовал более 20 новых композитов. Изучение поэтических текстов Бедиля показывает, что в составе сложных слов данная лексема способствует выражению более двенадцати значений, о которых в толковых словарях не упоминается. Указанная лексическая единица образует по модели **«имя существительное + основа глагола настоящего времени»** большое количество композитов.

5. Лексема «сар» и её место в словосложении. С лексемой *сар* (голова) образовано более 40 композитов. Эти композиты с точки зрения модели образования можно разделить на следующие группы:

1. Модель «имя существительное + имя существительное». В отличие от других моделей, лексическая единица *сар* на основе этой модели создаёт большое количество

композитов: *сарадаб* (начало приличия), *сарангушт* (большой палец), *сарвақт* (свидание), *сарварақ* (титульный лист, начало страницы) и др.

Слово *сармашқ* в поэзии Бедиля использовано в значении «основа и источник»:

Бувад ***сармашқи*** *дарси хомӯшӣ борикбиниҳо,*
Зи мӯ ангушти ҳайронӣ ба лаб доранд чиниҳо. [т.1, (п.ч.), 43]
Проницательность есть образец для урока молчания,
Из-за волосинки фарфор имеет палец удивления во рту.

Материалы исследования свидетельствует о том, что названные выше композиты проявляют полисемантичность.

2. Модель «имя существительное + имя прилагательное». По этой модели образованы следующие композиты: *сарбараҳна* (с непокрытой головой), *сарбаланд* (горделивый), *сармаст* (пьяный), *сарнагун / сарнигун* (опрокинутый). Из этого ряда композитов сложные слова *сарнагун / сарнигун* проявляют высокую частотность и употребляются в различных значениях, в том числе в следующем бейте они употреблены для выражения понятия «скоротечность жизни»:

Қомати хам хиҷлати умри талафгардида аст,
Ҳар қадар мино тиҳӣ шуд, ***сарнагун****тар мешавад*. [т.1, (п.ч.), 750]
Согбенный стан – признак сконфуженности из-за зря потраченной жизни,
Чем больше опустошается мех для вина, тем больше он опрокидывается.

3. Модель «имя существительное + основа глагола настоящего времени». В поэзии Абульмаони по этой модели образованы композиты *саркаш* (упрямый), *сарҷӯш* (накипь), *сарпӯш* (головной убор), *саркӯб* (подавление) и др. В следующем бейте композит *саркаш* означает «гордый, надменный, непослушный»:

Хасми ***саркаш****ро фано соз аз мулоимтинатӣ,*
Оташи сӯзон надорад чора ҷуз мурдан дар об. [т.1, (п.ч.), 158]
Убей непокорного врага мягкостью,
Обжигающее пламя гасят водой.

4. Модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола». По этой модели были образованы композиты *саргузашт* (происшествие) и *сарнавишт* в значении «предопределение, то, что предначертано судьбой, доля»:

Сарнавишт*ам натвон хонд, магар дар таслим,*
Тавъами ҷабҳаи худ сохтаам зонуро. [т.1, (п.ч.), 11]
Мою долю можно узнать по смирению,
Близнецом своему лбу я сделал чашу колен.

5. Модель «существительное + причастие». По этой моделы образованы композиты: *сарбаста* (скрытый), *саркӯфта* (посрамленный), *саршикаста* (с разбитой головой), *сарафканда / сарфиканда / саруфканда* (с поникшей головой). В следующем бейте композит *саршикаста* употреблен в значении «непокорный»:

Бенаво рӯ ба хоки аҷз ниҳод,
Гардани ***саршикаста****ро хам дод*. [т.3, 208]
Бедняк склонил голову смирения к земле,
Склонил непокорную голову.

6. Модель «имя существительное + наречие». По этой малопродуктивной модели образован один композит – *саранҷом*. В поэзии Бедиля названное слово употреблено в значении «конец какого-нибудь дела»:

Зиндагонист, ки ҷуз марг ***саранҷом*** *надошт,*
Гар намебуд нафас, субҳи касе шом надошт. [т.1, (п.ч.), 311]
Нет другого конца у жизни, кроме смерти,
Не было бы дыхания, утро всех людей было бы без вечера.

7. **Модель «имя прилагательное + имя существительное»** малопродуктивна и образует два композита: *кӯчаксар*. *пиронасар*. Второй композит употреблен в значении «старост, преклонный возраст»[67]:

[67] Деххудо. Т.2. – С.64.

Ба софи тараб баски дорад назар,
Шукуфа кашад бода ***пиронасар***. [т.3, 655]
Так как перед ним чистое вино радости,
Цветок наливает вино в старости.

8. Модель «местоимение + имя существительное». Эта модель также является непродуктивной. В поэтических текстах Бедиля выявлен только один композит по этой модели – *худсар* – в значении «своенравный, самовластный»[68]:

Худсар *ба марг гардани даъвӣ фуруд кард,*
Чун сар намонд, шамъ қабули суҷуд кард. [т.1 (п.ч.), 567]
Своенравный склоняет голову перед смертью,
Как только не станет головы,
Свеча склоняется в молитвенном поклоне.

Из приведенных примеров явствует, что лексема *сар* в созданных Бедилем композитах употреблена более чем в тридцати значениях.

Таким образом, большое количество таджикских слов в поэзии Бедиля находит применение в образовании композитов, в частности татпуруша. Из них поэт отдаёт предпочтение лексическим единицам *оина* (зеркало), *обила* (водянистая мозоль), *гавҳар* (жемчуг), *дил* (сердце), *оташ* (огонь) и др. С указанными лексемами образовано от десяти до сорока и более композитов типа татпуруша, большая часть которых являются неологизмами Абульмаони, поскольку не встречаются в авторитетных толковых словарях.

4.3.2. Арабские лексемы и их роль в словосложении.

1. Слово «нафас» и его роль в словосложении. С указанным словом в поэзии Бедиля обнаружено более сорока композитов, среди которых 23 композита являются сложными словами типа татпуруша. Композиты с компонентом *нафас* образуется по следующим моделям:

1. Модель «имя существительное + имя существительное» не относится к продуктивным моделям со словом *нафас*. По этой модели выявлены всего пять композитов: *нафасқосид* (человек), *нафасмоя* (человек), *арақнафас* (человек), *оташнафас* (огненное дыхание). Композит *нафасмоя* использована для обозначения «человека, суть жизни которого заключается в мгновении»:

Мо ***нафасмояем****у кори нафас*
Нест будан муқими дому қафас. [т.3, 186]
Сущность – наше дыхание,
Дыхание не может жить в силках и в клетке.

2. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола». На основе этой модели с компонентом *нафас* образовано 14 композитов: *нафасбахш* (дарующий дыхание) [т.3, 709], *нафасгир* (удушливый) [т.1 (п.ч.), 43], *нафаспарвар* (взлелеянный дыханием) [т.1 (п.ч.), 108], *нафассӯз* (горячее дыхание) [т.1 (п.ч.), 607].

3. Модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола». В поэзии Бедиля с этой лексемой выявлен только один композит – *нафаспарвард* (задерживать дыхание) [т.1 (п.ч.), 375].

4. Модель «имя существительное + причастие». На основе этой модели нами зафиксированы всего три композита: *нафасгудохта* (горячее дыхание) [т.1 (п.ч.), 602], *нафасдуздида* (без звука) [т.1 (п.ч.), 496], *нафасфарсуда* (изнуренный жизнью) [т.1 (п.ч.), 375].

Таким образом, лексема *нафас* относится к ключевым лексическим единицам поэзии Абульмаони, и используется им как сама по себе, так и для образования композитов. В поэтических текстах Бедиля обнаружено более сорока сложных слов, образованных с использованием этой лексемы. Большинство этих слов не встречается даже в авторитетных толковых словарях, и, по всей видимости, они являются нововведениями Бедиля.

[68] ФЗТ. Т.2. – С.501.

2. Слово «тараб» и её роль в словосложении. С данной лексемой нами обнаружено более тридцати композитов типа татпуруша. В отдельности слово *тараб* в газелях поэта использовано в более чем 180 случаях [см.: т.1 (в.ч.), 1506]. Эта лексема также применяется в составе композитов для передачи суфийских понятий: «унс бо Ҳақ таоло» (букв. «дружба с Аллахом»).[69]

Композиты, созданные присоединением компонента *тараб*, по принадлежности композитов к лексико-грамматическим группам таковы:

1. Модель «имя существительное + имя существительное». По этой модели образованы композиты: *тарабнағма* (создающий радость), *тарабоҳанг* (радостная мелодия), *тарабошён* (тот, кто (пребывает) в доме радости) и др. Названные композиты вступают в различные смысловые отношения. Так, *тарабпаймона* [т.1 (п.ч.), 287] – *тарабсоғар* [т.3, 677] – *тарабҷом* (чаша радости) [т.3, 289] образуют синонимичные отношения. Композиты *тарабдӯст* (радостный друг) [т.3, 124] и *тарабдушман* (радостный враг) [т.2, 160] имеют антонимичные отношения.

2. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола». Данная модель, в отличие от указанной выше, участвует в образовании меньшего количества композитов, таких как *тарабфазо* (атмосфера радости) [т.2, 165], *тарабхез* (место, приносящее радость) [т.1 (п.ч.), 516] и др.

Таким образом, лексема *тараб* является одним из стержневых слов в поэзии Бедиля и употребляется поэтом для передачи более чем восьми значений.

3. Лексема «ҳавас» и ее роль в словосложении. Данная лексическая единица участвует в образовании более чем сорока композитов типа татпуруша. Композиты с компонентом *ҳавас* образуется по следующим моделям:

1. Модель «имя существительное + имя существительное» достаточно продуктивна в словообразовании, и с компонентом *ҳавас* образовано большое количество композитов: *ҳавасмоил* (склонный к привязанности) [т.3, 306], *ҳавасмуштоқ* (жаждущий привязанности) [т.1, (п.ч.), 150], *ҳаваскеш* (заинтересованный) [т.1, (п.ч.), 683] и др.

2. Модель «имя существительное + имя прилагательное», в отличие от указанной выше модели, малопродуктивна и образует всего три композита: *ҳавасташна* [т.1, (п.ч.), 655], *ҳавасмахмур* (опьяненный интересом) [т.3, 453]. Данная модель является одноисходной и производит только существительные.

3. Модель «имя существительное + основа глагола настоящего времени». По этой модели с участием слово *хавас* образованы следующие композиты: *ҳаваспаймо* (заинтересованный) [т.3, 135], *ҳавасандеш* (думающий об увлечении) [т.2, 600], *ҳавасандӯз* (накапливающий привязанность) [т.2, 521] и др. Эти композиты обладают следующими характеристиками: во-первых, они не встречаются в известных нам словарях, во-вторых, в поэзии Бедиля они не имеют широкого употребления, и, наконец, встречаются только в месневи и рубаи Абульмаони. Анализ поэтических текстов Бедиля показывает, что данная модель проявляет двуисходность и в основном образует существительные, реже прилагательные.

4. Модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола» образовало всего три композита: *ҳавасолуд* (погрязший в желании) [т.1, (п.ч.), 589], *ҳаваспарвард* (взлелеянный любовью) [т.2, 623] и др.

5. Модель «имя существительное + причастие». Данная модель непродуктивна, по ней обнаружены всего два композита: *ҳавасомода* [т.3, 134], *ҳаваснаёлуда* [т.2, 325], используемые в поэзии Абульмаони в различных значениях.

6. Модель «имя прилагательное + имя существительное» является непродуктивной и образует всего один композит – *муфассалҳавас* [т.3, 770].

7. Модель «инфинитив + имя существительное» относится к новым моделям словосложения, на её основе образованы композиты *мурданҳавас, тапиданҳавас, шукуфтанҳавас.*

[69] Деххудо. Т.2. – С.1937.

Таким образом, арабская лексема *ҳавас* участвует в образовании более сорока лексических единиц типа татпуруша. Большинство из названных композитов являются неологизмами Бедиля, поскольку не имеют прецедента в таджикском языке. Указанные композиты способствуют передаче более восьми значений.

4. Лексема «ҳайрат» и его роль в словообразовании. Слово *ҳайрат* участвует в образовании более шестидесяти композитов. Из этого числа 24 композита относятся к типу татпуруша. В процессе создания композитов поэт предполагал терминологическое значение этого слова – «степень суфийского сана и состояние, наполняющее душу мистиков и удерживающее их от раздумий».[70]

Модели образования композитов с блочным элементом *ҳайрат* следующие:

1. Модель «имя существительное + имя существительное», на основе которой образованы композиты: *ҳайраталомат* (признак удивления), *ҳайратизҳор* (раскрывающий удивление), *ҳайраткамин* (засада удивления) и др. Из этой группы композитов в поэзии Абульмаони пользуется употребительностью композит *ҳайратоина*. Другие композиты употребляется в одном или двух случаях. Слова *ҳайратхона* и *ҳайратсаро* образуют синонимичные пары.

2. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола». Основа настоящего времени глагола в сцеплении с компонентом *ҳайрат* образует следующие композиты: *ҳайратангез* (вызывающий удивление), *ҳайратафзо* (все более изумляющий) */ ҳайратфазой* (все более изумляющий) и др.

3. Модель «имя существительное + причастие». Данная модель образует следующие композиты: *ҳайратзада* (удивленный)*, ҳайратдамида* (возникший от изумления)*, ҳайратзода* (рождённый изумлением) и др.

Таким образом, компонент *ҳайрат* участвует в образовании более двадцати сложных слов типа татпуруша, большинство из которых, по всей вероятности, являются изобретением самого Абульмаони, поскольку не встречаются в авторитетных толковых словарях. Названная лексическая единица в составе сложного слова участвует в передаче более одиннадцати значений.

5. Лексема «ҷунун» и ее место в словосложении. Слово *ҷунун* (безумие) в поэзии Бедиля достаточно распространено и встречается в более чем 800 примерах [см.: т.1 (в.ч.), 1409-1410]. Это обусловлено, прежде всего, жизненным опытом и мировоззрением поэта. Композиты с *ҷунун* образуются по следующим моделям:

1. **Модель «имя прилагательное + имя существительное»** относится к продуктивным моделям словосложения и образует такие компоненты, как *ҷунунбисмил* (зарезавший безумца) [т.3, 339]*, ҷунунбозор* (мир) [т.3, 147] и др.

2. Модель «имя прилагательное + имя прилагательное» малопродуктивна и образует с компонентом *ҷунун* всего два композита: *ҷунунмагрур* (гордый от безумия) [т.1 (п.ч.), 558] и *ҷунунфарсуда* (обижаться на безумца) [т.2, 425].

3. Модель «имя прилагательное + основа настоящего времени глагола». По этой модели образованы следующие композиты: *ҷунунангез* (проявление безумия), *ҷунунафшон* (раскрывающий безумство), *ҷунунзо* (создающий безумие), *ҷунунофарин* (творящий безумие), *ҷунунпаймо* (находящийся в состоянии безумства) и др. Наиболее употребительными являются *ҷунунхез* (место, где зарождается безумие), *ҷунунҷӯш* (проявление безумства), *ҷунунсоз* (бывший на месте безумного), которые используются поэтом от пяти до одиннадцати раз.

4. Модель «имя прилагательное + причастие». Эта модель активна в словообразовании, однако с компонентом *ҷунун* образует всего один композит: *ҷунунзада* (влюбленный) [т.1 (п.ч.), 692].

В целом слово *ҷунун* наряду с другими лексическими единицами относятся к ключевым словам поэзии Бедиля. Названная лексема в поэзии Абульмаони производит более двадцати (29) композитов типа татпуруша и употребляется поэтом для выражения более восьми значений.

[70] Деххудо. Т.1. – С.1050.

Таким образом, Бедиль, наилучшим образом применив возможности таджикского языка, создает в процессе словосложения новые композиты. Употребление инфинитива в качестве блочного элемента для композита также является одной из особенностей его поэзии. Более того, поэт, расширив возможности вспомогательных морфем, таких как -*ҳо*, использует их для образования композита.

Употребление многокомпонентных композитов в поэтических сочинениях, особенно в месневи, также является характерной чертой стиля Бедиля. Изучение языка поэзии Бедиля показывает, что многокомпонентные слова образованы им благодаря сжатию синтаксических единиц языка – словосочетания и предложения. Некоторые лексические единицы пользуются особым вниманием в поэзии Абульмаони и употребляются поэтом как по отдельности, так и в составе сложных слов. Названные ключевые слова можно разделить на две группы: таджикские лексемы (*оина, обила, гул, дил...*) и арабские слова (*нафас, ҳавас, ҷунун, тараб...*), с которыми поэт создает большое количество сложных слов.

В части «**ЗАКЛЮЧЕНИЕ**» диссертации результаты исследования подытожены следующим образом:

1. Классификация сложных слов признана одной из актуальных и стержневых проблем лингвистики и уже долго лет находится в центре внимания ученых. Обобщение научно-исследовательских работ по теме диссертации показывает, что ученые предлагают различные классификации сложных слов и эта тенденция продолжается до сих пор.

2. Ученые, занимающиеся изучением особенностей сложных слов и их классификацией, относятся к следующим группам: 1) исследователи, именующие все композиты термином «сложные слова» (М.Мукарраби, А.Хумоюнфаррух) или «деривационные слова» (М.Шариат) и предлагающие классификацию композитов по модели образования; 2) учёные, отмечающие двухстороннюю классификацию композитов (Ж.Лазар, Ш.Ниязи, М.Турсунов, В.С. Расторгуева, Л.С. Пейсиков, Ю.А. Рубинчик); 3) учёные, предлагающие трехстороннюю классификацию композитов (К.Г. Залеман, В.А. Жуковский, Е.Э. Бертельс, Л.С. Пейсиков, Ш.Рустамов); 4) исследователи, классифицирующие сложные слова на четыре группы (Т.Д. Чхеидзе, Т.А. Чавчавадзе, М. Султон); 5) учёные, предлагающие их классификацию по шести признакам (Л.И. Жирков).

На наш взгляд, классификация, основанная на семантике сложных лексических единиц, т.е. классификация древнеиндийских учёных по четырем признакам, может быть применена ко всем индоевропейским языкам. В диссертации исследование татпуруша, являющегося одним из видов сложных слов, проводится с опорой на классификацию древнеиндийских учёных.

3. Язык поэзии Бедиля отличается обилием композитов. В восьмитомном собрании сочинений Бедиля, изданном в Таджикистане, нами выявлено более восьми тысяч композитов, большинство из которых являются неологизмами самого поэта.

4. Композиты типа татпуруша являются наиболее продуктивным видом сложных слов таджикского языка, в особенности в поэзии Бедиля. Из восьми тысяч единиц собранного фактологического материала три тысячи триста тридцать два сложных слов принадлежат к типу татпуруша.

5. Композиты типа татпуруша по языковой принадлежности компонентов разделены на три группы:

5.1. композиты типа «таджикское слово + таджикское слово»;

5.2. композиты с компонентами «заимствованное слово + таджикское слово»;

5.3. композиты с двумя зависимыми словами.

6. Композиты типа «таджикское слово + таджикское слово» относятся к особо продуктивным моделям словосложения и производят большое количество сложных лексических единиц. По этому типу композитов мы имеем в распоряжении более 1300 (1347) композитов, составляющих 40,4% от всего объема композитов типа татпуруша. Относительно употребления большого количества таджикских слов в

словообразовании следует отметить, что персидский язык Индии берет начало от персидского языка Мавераннахра, и этот фактор, несомненно, оказал влияние на стиль и язык поэзии Абульмаони.

7. Морфологический состав композитов типа «таджикское слово + таджикское слово» различен, среди них доминирует модель «**имя существительное + основа настоящего времени глагола»**, по которой образованы 849 композитов, составляющих 63% от общего объема композитов типа «**таджикское слово + таджикское слово»**.

8. Композиты с компонентами «**заимствованное слово + таджикское слово»** в свою очередь делятся на следующие подгруппы:

8.1. Композиты **«арабское слово + таджикское слово»;**
8.2. Композиты **«индийское слово + таджикское слово»;**
8.3. Композиты **«греческое слово + таджикское слово»;**
8.4. Композиты **«тюркское слово + арабское слово»;**
8.5. Композиты **«таджикское слово + арабское слово»;**
8.6. Композиты **«таджикское слово + индийское слово»;**
8.7. Композиты **«таджикское слово + греческое слово».**

Композиты типа «**арабское слово + таджикское слово»** являются наиболее продуктивной группой и, по нашим подсчетам, включают 1434 композита. Из общего числа композитов эта группа составляет 43%. Морфологический состав сложных слов этого типа различен, поскольку таджикские слова подчиняют себе различные заимствования и тем самым создают новые композиты.

9. Композиты типа «**таджикское слово + арабское слово»** также продуктивны, однако степень их продуктивности ниже по сравнению с названными выше моделями, поскольку данная модель образовал 153 композита, что в процентном соотношении составляет всего 4,5%. Композиты других видов («**индийское слово + таджикское слово»**, «**греческое слово + таджикское слово»; «тюркское слово + арабское слово»; «таджикское слово + индийское слово»; «таджикское слово + греческое слово»**) малопродуктивны, поскольку образовали всего 29 (0,8%) композитов.

10. Композиты с двумя зависимыми компонентами в свою очередь подразделяются на следующие группы:

10.1. Композиты **«арабское слово +арабское слово»**;
10.2. Композиты **«греческое слово + арабское слово»**;
10.3. Композиты **«тюркское слово + арабское слово»**;
10.4. Композиты **«арабское слово + тюркское слово»**.

Из этой группы наиболее продуктивным видом словосложения является «**арабское слово + арабское слово»**, который участвует в образовании 304 (9,1%) композитов. Морфологический состав этих сложных слов преимущественно (292 композита) имя «**существительное + имя существительное»**. 12 оставшихся композитов образованы по модели **«имя прилагательное + имя существительное»**. Другие словообразовательные модели непродуктивны и образуют всего одно или два сложных слова.

11. Смысл некоторых композитов поэзии Абульмаони трудно определить за пределами поэтического контекста, и понять их можно только в сочетании с сопутствующими словами. К примеру, *харобободи имкон, мотамсарои эътибор* – мир; *доғи муҳаббатдида, ҷунунпаймои ғафлат, сахтхироми улфати олами паст* – человек; *ҷунунтози нафас* – влюбленный и др.

12. Бедиль в ходе словообразования создает различные варианты композитов. Изучение его поэтических текстов показывает, что варианты сложных слов образуются в результате: а) использования глагольного компонента в различных вариантах; б) замены первого компонента сложного слова.

Поэт проявляет большое внимание к редуцированным вариантам композитов и использует их в большей степени.

13. Композиты типа татпуруша находятся друг с другом в синонимичных отношениях. Бедиль образовал в поэтических сочетаниях до 8-10 синонимичных рядов: *сухангӯ – сухандон – суханпарвар – суханрез – сухансоз* (знаток слова); *намандуда –*

намзада – намхӯрда – намсиришта – намкашида (влажный) и др., подтверждающих богатство языка его поэзии. Бедиль создаёт синонимию композитов тремя способами: 1) заменой первого компонента: *аламхона – гамхона – мотамхона* (дом, где много печали, скорби); 2) заменой второго компонента: *ишратбино – ишратхона; мотамсаро – мотамхона; маъниогоҳ – маъниошно*; 3) в результате сходства значения композитов *нурпош – партавафкан* и т.д.

14. Анализ показывает, что в поэзии Абульмаони композиты находятся также в антонимичных отношениях. Антонимия композитов достигается тремя способами: 1) в результате замены первого компонента: *саҳвкор – сеҳркор*; 2) некоторые композиты в поэзии Бедиля вступают в антонимичные отношения в результате замены второго компонента: *мурувватдушман – мурувватошно*; 3) использование отрицательных префиксов при создании композитов: *мавқеъшинос – мавқеъношинос*. По мнению некоторых ученых (Е.А. Василевская), антонимия композитов в основном достигается путем замены первого компонента сложного слова, однако изучение произведений таджикской классической литературы убеждает в том, что антонимичные пары могут образоваться и в результате замены второго компонента, свидетельством чему являются поэтические сочинения Бедиля.

15. Композиты поэзии Бедиля с точки зрения использования можно разделить на две группы: 1) распространенные; 2) вышедшие из употребления. Архаичные сложные слова можно классифицировать на несколько видов: а) композиты, первый элемент которых способствовал архаизации сложного слова; б) композиты, в которых второй компонент является архаичным.

16. Некоторые сложные слова в поэзии Абульмаони использованы в значении, известном в таджикском языке, в частности в таджикских говорах: *баногӯш, муштипар, шодимарг, сарзаниш, пешпо* и др.

17. В поэзии Абульмаони в процессе словосложения участвуют различные лексико-грамматические группы слов. Анализ показывает, что поэт, используя в ходе словосложения инфинитивы, демонстрирует возможности и потенциал различных морфем, в том числе суффикса «-ҳо», артикля «-е», в результате чего образуются уникальные модели сложных слов, не имеющие аналогов в истории литературного языка.

18. В поэзии Бедиля имеет место ряд многокомпонентных композитов, которые были классифицированы на трехкомпонентные, четырехкомпонентные и пятикомпонентные, которые в основном встречаются в месневи Абульмаони. Исходной единицей для многокомпонентных слов являются словосочетания (простые, сложные) и в некоторых случаях – предложения. В образовании многокомпонентных слов значимо влияние экстралингвистических факторов, в особенности буддийской религии и древнеиндийского языка – санскрита.

19. Изучение темы исследования и собранного материала показывает, что отдельные лексические единицы: *адаб, адам, алам, арақ, аҷз, оина, оташ, офат, обила, ҳайрат, нафас гавҳар, дил, сар, гул, нафас, тараб, ҳайрат, шуъла, ҷунун* и др. пользуются особым вниманием поэта. По нашим подсчетам, эта группа слов составляет более семидесяти лексических единиц. Ввиду этого в поэзии Бедиля данные лексические единицы встречаются в изобилии и проявляют продуктивность в процессе словосложения. Материалы исследования показывают, что некоторые из них создают до сорока композитов типа татпуруша. Ввиду этого исследованию роли данных лексических единиц в словосложении посвящен отдельный раздел четвертой главы диссертации. В целом ключевые лексемы поэзии Бедиля можно разделить на две группы: 1) таджикские слова; 2) арабские слова. В диссертации характеризуется потенциал словообразования таких таджикских лексем, как *оина, обила, оташ, гавҳар* и *сар* арабских лексических единиц *нафас, тараб, ҳавас, ҳайрат* и *ҷунун.* Анализ показывает, что большинство композитов, созданных при участии названных лексических единиц, являются плодом художественного воображения Абульмаони, поскольку в авторитетных толковых

словарях эти лексические единицы не встречаются. Изучение поэзии Бедиля показывает, что данные слова способствуют выражению множества значений.

20. Изучение темы исследования убеждает в том, что для большего приобщения ценителей таджикского языка к сокровищнице уникальных слов и выражений классической литературы необходимо обратить внимание на создание словаря трудных слов и выражений Бедиля.

Таким образом, изучение структурно-семантических особенностей композитов типа татпуруша в поэзии Бедиля свидетельствует о том, что возможности и потенциал таджикского языка в образовании композитов весьма широки и не всегда используются в полной мере. С другой стороны, недостаточное изучение данных языка таджикской классической литературы, в частности языка поэзии известных представителей индийского стиля, привело к тому, что возможности лексико-грамматических единиц таджикского языка не нашли должного отображения в научных разработках.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

I. Монография и сборники:

1. Олимджонов М.О. Структурно-семантические особенности композитов в поэзии Бедиля (на примере композитов типа татпуруша). – Худжанд: Нури маърифат, 2022. – 392 с. ISBN 978-99985-941-3-5 (на тадж. яз.)

II. Статьи, опубликованные в журналах, включенных в перечень ВАК РФ:

2. Олимджонов М.О. Некоторые особенности использования словообразовательных аффиксов в поэзии Бедиля. [Текст] // Учёные записки. Гуманитарные науки. – Худжанд: Нури маърифат, 2012. №1 (29). – С.51-58. ISSN 2077-4990 (в соавторстве с А.Хасановым) (на тадж. яз.)
3. Олимджонов М.О. Новаторство Бедиля в сфере словообразования. [Текст] // Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук. – Худжанд, 2012. №4 (52). – С.223-230. ISSN 2218-256X (на тадж. яз.)
4. Олимджонов М.О. Слово «оина» (зеркало) в творческой лаборатории Бедиля. [Текст] // Учёные записки. Гуманитарные науки. – Худжанд: Нури маърифат, 2012. №5 (33). – С.40-50. ISSN 2077-4990 (на тадж. яз.)
5. Олимджонов М.О. Роль имен собственных в образовании производных. [Текст] // Учёные записки. Гуманитарные науки. – Худжанд: Нури маърифат, 2013. №2 (35). – С.23-35. ISSN 2077-4990 (на тадж. яз.)
6. Олимджонов М.О. Роль имени существительного в создании копулятивов (на основе поэзии Бедиля). [Текст] // Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук. – Худжанд, 2013. №3 (55). – С.233-239. ISSN 2218-256X (на тадж. яз.)
7. Олимджонов М.О. Новые модели сложных слов в поэзии Бедиля. [Текст] // Учёные записки. Гуманитарные науки. – Худжанд: Нури маърифат, 2016. №4 (49). – С.176-180. ISSN 2077-4990 (на тадж. яз.)
8. Олимджонов М.О. Классификация сложных слов типа татпуруша в поэзии Бедиля (на основе материалов буквы «А»). [Текст] // Учёные записки. Гуманитарные науки. – Худжанд: Нури маърифат, 2017. №3 (52). – С.188-195. ISSN 2077-4990 ISSN 2077-4990 (на тадж. яз.)
9. Олимджонов М.О. Роль основы глагола в образовании сложных слов типа двандва (на материалах поэзии Бедиля). [Текст] // Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук. – Худжанд, 2017. №3 (72). – С.108-115. ISSN 2413-2004 (на тадж. яз.)
10. Олимджонов М.О. Роль исконных слов в создании композитов (на основе материала поэзии Бедиля). [Текст] // Учёные записки. Гуманитарные науки. – Худжанд: Нури маърифат, 2017. №4 (53). – С.205-211. ISSN 2077-4990 (на тадж. яз.)

11. Олимджонов М.О. Синонимичные особенности композитов в поэзии Мирзо Бедиля. [Текст] // Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук. – Худжанд, 2019. №2 (79). – С.111-118. ISSN 2413-2004 (на тадж. яз.)
12. Олимджонов М.О. Слово «обила» (мозоль) и его роль в создании композитов в поэзии Бедиля. [Текст] // Вестник Бохтарского государственного университета им. Носира Хусрава (научный журнал). Серия гуманитарных и экономических наук. – Бохтар, 2019. №1/2 (62). – С.52-56. ISSN 2663-5534 (на тадж. яз.)
13. Олимджонов М.О. Слово «гавҳар» (жемчуг) и его роль в создании композитов типа татпуруша в поэзии Бедиля. [Текст] // Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук. – Худжанд, 2019. №3 (80). – С.98-105. ISSN 2413-2004 (на тадж. яз.)
14. Олимджонов М.О. Вариантность композитов поэзии Мирзо Бедиля (на основе композитов модели «существительное + основа настоящего времени»). [Текст] // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2019. №5. – С.98-103. ISSN 2413-516X (на тадж. яз.)
15. Олимджонов М.О. Слово «нафас» (дыхание) и его роль в образовании композитов типа татпуруша в поэзии Бедиля. [Текст] // Известия АН Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. –Душанбе, 2019. №4 (257). – С.240-244. ISSN 2076-2569 (на тадж. яз.)
16. Олимджонов М.О. Роль индийских заимствований в образовании композитов типа татпуруша в поэзии Бедиля. [Текст] // Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук. – Худжанд, 2019. №4 (81). – С.79-84. ISSN 2413-2004 (на тадж. яз.)
17. Олимджонов М.О. Антонимические композиты в поэзии Мирзо Бедиля. [Текст] // Вестник таджикского педагогического университета. – Душанбе, 2019. №4 (81). – С.32-36. ISSN 2219-5408 (на тадж. яз.)
18. Олимджонов М.О. Полисемия композитов типа татпуруша в поэзии Бедиля. [Текст] // Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук. – Худжанд, 2020. №1 (82). – С.143-149. ISSN 2413-2004 (на тадж. яз.)
19. Олимджонов М.О. Роль архаичных слов в образовании композитов типа татпуруша в поэзии Бедиля. [Текст] // Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук. – Худжанд, 2021. №1 (86). – С.124-131. ISSN 2413-2004 (на тадж. яз.)
20. Олимджонов М.О. Роль сложных слов в поэзии Мирзо Бедиля. [Текст] // Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук. – Худжанд, 2021. №2 (87). – С.128-133. ISSN 2413-2004 (на тадж. яз.)
21. Олимджонов М.О. Роль лексемы «оташ» (огонь) в создании композитов в поэзии Бедиля [Текст] // Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук. – Худжанд, 2023. №2 (95). – С.113-119. ISSN 2413-2004 (на тадж. яз.)

III. Другие публикации:

22. Олимджонов М.О. Взгляд на особенности словообразования Бедиля. [Текст] / Равзанаи ирфон. – Худжанд: Нури маърифат, 2008. – С. 202-207.
23. Особенности использования некоторых словообразующих суффиксов в поэзии Бедиля. [Текст] / Номаи садокат. – Худжанд: Нури маърифат, 2012. – С.353-360.
24. Олимджонов М.О. Использование суффиксов -гоҳ и -зор в поэзии Бедиля. [Текст] / Дар молодых ученых. Т.10. – Худжанд: Меродж, 2012. – С.135-140.
25. Олимджонов М.О. Общеупотребительные слова в поэзии Бедиля. [Текст] / Шукуфаи ирфон. – Худжанд: Нури маърифат, 2012. – С.246-254.
26. Олимджонов М.О. Лишь слово станет утонченным, цвет наполнит содержание. [Текст] // Вестник Согда, 2013. №5. – С.93-100.

27. Олимджонов М.О. Роль интерфиксов в образовании композитов типа копулятив или же двандва. [Текст] / Дуруди меҳр. – Худжанд: Меродж, 2013. – С. 206-219.
28. Олимджонов М.О. Роль глагола в образовании сложносочиненных слов (на основе материалов поэзии Мирзо Бедиля). [Текст] / Ҳусни маънӣ. – Худжанд: Меродж, 2013. – С.213-220.
29. Олимджонов М.О. Новые модели сложных слов типа татпуруша в поэзии Бедиля. [Текст] / Свет мудрости. – Худжанд: Сугдтехносервис, 2013. – С.89-95.
30. Олимджонов М.О. Сложноподчиненные слова с компонентом «обила» в поэзии Бедиля. [Текст] / Мазҳари маони. – Худжанд: Ношир, 2013. – С.72-79. Также / Ахтари ирфон. – Худжанд: Меродж, 2014. – С.87-95.
31. Олимджонов М.О. О смешанном словосложении в таджикском языке. [Текст] // Педагогические и методические новаторства в обучении таджикского, русского и английского языков. (Материалы научно-практической конференции на тему «Педагогические и методические новаторства в обучении таджикского, русского и английского языков. 22 мая 2014г.). – Душанбе: Ирфон, 2014. – С.184-188.
32. Олимджонов М.О. Особенности словосложения в поэзии Мирзо Бедиля. [Текст] / Литературные связи и культура Востока. – Худжанд: Ношир, 2014. – С.505-508.
33. Олимджонов М.О. Словообразование собственных имен в поэзии Мирзо Бедиля. [Текст] / Востоковед. – Худжанд: Ношир, 2015. – С.158-172.
34. Олимджонов М.О. О смешанном словосложении в поэзии Мирзо Бедиля. [Текст] // Рудаки, №45, 2016. - С.77-91.
35. Олимджонов М.О. О трехкомпонентном словосложении в поэзии Бедиля. [Текст] / Камоли одамӣ. – Худжанд: Меродж, 2016. – С.246-253.
36. Олимджонов М.О. «Зеркало» в творческой лаборатории «поэта зеркал». [Текст] / Тезисы докладов 4-го международного урса (номинальный обряд) Бедиля (г.Тегеран, 18-19-го января 2017г.). – Тегеран, 2019. – С.81.
37. Олимджонов М.О. Место лексемы «нафас» в образовании композитов типа татпуруша в поэзии Бедиля. [Текст] / Материалы международной конференции «Литературные связи и диалог культур». – Термез, 2019. – С.137-140.
38. Олимджонов М.О. Роль заимствований в образовании композитов в поэзии Мирзо Бедиля (на примере тюркских и греческих заимствованных слов). [Текст] / «Социально-экономические и культурные связи Таджикистана и Узбекистана: история и современность». Материалы международной научно-практической конференции (21-22 июня 2019 г). – Худжанд: Нури маърифат, 2019. – С.483-488.
39. Олимджонов М.О. Соотношение деривационных слов в газелях Сайидо и Мирзо Бедиля. [Текст] / Сайидо и его роль в развитии таджикского языка и литературы. Сборник статей международной конференции «Сайидо и его роль в развитии таджикского языка и литературы» (г. Душанбе, 15-16 октября 2019 г.). – Душанбе: Сино, 2019. – С.41-45 (в соавторстве).
40. Олимджонов М.О. Трёхкомпонентные композиты в поэзии Бедиля. [Текст] // Словесность. Научный журнал. – Душанбе, 2019. №2. –С.26-33.
41. Олимджонов М.О. Роль арабских заимствований в создании композитов (на примере композитов поэзии Бедиля). [Текст] / Язык и его основа (материалы научно-прикладной конференции Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики в честь 30-летие государственной независимости Республики Таджикистан и международного Дня родного языка, Худжанд, 21.02. 2020). – Худжанд: Дабир, 2020. – С.108-119.
42. Олимджонов М.О. Слово «чунун» (безумие) и его словообразование в поэзии Бедиля (на примере композитов типа татпуруша). [Текст] // Камол Худжанди. №1 (25). – С.61-65.

43. Олимджонов М.О. Классификация композитов в языкознании (на примере материалов таджикского языка). [Текст] / Свет знаний и добра. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 30-летию Государственной независимости Республики Таджикистан. – Худжанд: Ношир, 2021. – С.269-281.